

Анатолий Дроздов

Витязи
в шкурах

Изумруд Люцифера

Анатолий Дроздов

Витязи в шкурах

«1С-Паблишинг»

2005

Дроздов А. Ф.

Витязи в шкурах / А. Ф. Дроздов — «1С-Паблишинг»,
2005 — (Изумруд Люцифера)

ISBN 978-1-38-749038-7

Дочь президента похищена террористами, которые держат её в пещере. Для вызволения заложницы привлечены люди с необычными способностями — они могут принимать облик волка. Задача выполнена, но сами спасители проваливаются в прошлое и оказываются в Киевской Руси XII века, в самом центре войны русских князей с половецким ханом Кончаком. И, чтобы вернуться в наше время, спасители прежде должны помочь в битве русичам, а затем пробраться невредимыми через половецкие земли.

ISBN 978-1-38-749038-7

© Дроздов А. Ф., 2005

© 1С-Паблишинг, 2005

Содержание

Часть первая. Полон	5
Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	19
Глава третья	26
Глава четвертая	35
Часть вторая. Набег	43
Глава пятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анатолий Дроздов. Витязи в шкурах

Часть первая. Полон

«Того же лета здумаши Олговы внуци на Половци, занеже бяху не ходили томъ лете со всею князьею, но сами поидоша, о собе рекуще:

– Мы есмы ци не князи же? Поидем такыже собе хвалы добудем!»
(Лаврентьевская летопись)

«Светаюци же субботе, начаша выступати полици половецкии, аки борове. Изумеша князи рускии – кому их которому поехати, бо бысть их беищисленное множество».

(Ипатьевская летопись)

Пролог

Ковуи побежали все вдруг...

К полудню третьего дня изнемогли все – даже кони. Кони даже раньше людей: многие под стягом Игоря бились пешими, раз за разом встречая степняков частоколом копий. На князя оглядывались. В этих взглядах – не только отроков (перед походом они громче всех обещали добыть себе чести, а князю славы), но и старых кметей Игорь видел смертную тоску. И орал в ответ:

– Стоять! Сучье вымя! Блядь дети! Уды конские! Стоять! Колом! Сам всех порву! На лоскуты!..

В горле саднило от пыли и ора, но он не смолкал. Пока вои в строю – удержать можно криком. Бранью – самой черной, какая есть. Запнешься, пожалеешь – побегут! Толпой: безумной и беззащитной. Колоть и рубить убегающих – радость! Кураж! Сами два дня тому так кололи и рубили. Только бы выстоять!..

Степняки волнами откатывались от железных игл гигантских ежей русских полков, оставляя на вытоптанном ковыле трупы людей и коней. Отскочив, засыпали русских стрелами. Тяжелые, как долота, наконечники бронебойных стрел, выпущенных из огромных составных луков, раскалывали сухое дерево червлёных щитов. После двух – трех попаданий дерево выпадало кусками, а то и вовсе осыпалось, оставляя руках воев только железные круглые умбоны – в сече еще можно отбиться, но против стрел... Оставшиеся без щитов гибли почти сразу же – степняки высматривали их и, не опасаясь (у окруженных стрелы кончились давно), били прицельно. Четырехгранные наконечники рвали кольчужную броню, раздвигали пластины куяков, хищно стремясь в горячее тело – к крови, к сердцу, к душе...

Ощетинившееся копиями войско медленно двигалось топким берегом соленого озера – полки прижали к нему вчера поутру. Шло к недалекой речке. Там вода для пересохших глоток и пылающих жаждой тел... Там лесок, где можно устроить завалы и за ними, неспешно, утихомирить бешеные орды Кончака. Степняков на долгую осаду не хватит. Можно договориться. А можно и уйти... Передохнув, в сумраке, неразберихе – тем, у кого кони посвежее... Всем не удастся, но на все воля Божья. Здесь, в открытой степи, пропадут все...

Ковуи побежали... Но не так, как бегут обуянные смертной тоской вои – по одному и кучками вываливаясь из плотной массы полка, в панике нахлестывая коней и скача куда глаза глядят. Снялись разом всей ордой и стремительно понеслись в сторону. Ольстин скомандовал... Подтирка черниговская! Хайло косоглазое!..

Игорь мгновенно понял замысел старого воеводы. Ударить в дальний край половцев – там их поменее, и прогрызть, продавить дорогу в вольную степь. Ковуи будут биться насмерть – своих, степняков, перешедших на службу к Руси, половцы в плен не брали. Полягут почти все, но головка полка с Ольстином пробьется. Зато в оставленный ковуями разрыв хлынет орда, и тогда – все...

– Блядны дети!

Игорь сорвал с головы шлем (золоченый – далеко видать, хорошая приманка), сунул его гридню и дал шпоры коню. Он скакал напереймы беглецам, отчаянно крича. Левая рука висела плетью. Вчера поутру гридни сплеховали: стрела проскользнула между их щитами и смачно чмокнула князя в руку. Узкий каленый (броню бить!) наконечник пришелся как раз в клепаное кольцо железной рубахи и, разорвав его, по черенок вошел в мясо. Игорь зло вырвал стрелу и криком осадил рванувших было на помощь гридней – пустяк. И только затем ощутил, что рука онемела. Наконечник задел какую-то важную жилу.

Он почти настиг ковуев и скакал совсем близко, грозя здоровой рукой и ругаясь во весь голос. Его заметили. От темной массы отделился всадник и пролетел почти рядом – назад к полкам. Всадник стыдливо отворачивал морду, но Игорь узнал: Михалко Гюргевич. Вспомню тебе, сотник! Остальные только хлестнули коней, и бешено скачущая масса с диким воем врезалась в ряды половцев. Затрещали, ломаясь, копыта; зазвенели, сталкиваясь, мечи; пыль, взбиваемая тысячами копыт, медленно окутала схватку.

Выругавшись, Игорь остановил коня. Бой кипел ближе, чем в полете стрелы; он видел, как из пыльного облака выскакивали потерявшие всадников обезумевшие лошади, некоторые волочили за собой сбитых с седла воев. Головы, потерявшие шлемы, подскакивали на кочках, на мгновение открывая взору князя черные от крови и пыли мертвые лица. Рука Игоря потянулась к сабле, но замерла на полпути. Ввязавшись, он, может, и пробьется вместе с Ольстином, но не будет ему в том ни чести, ни славы. Только срам. Вся Русь будет пальцем тыкать: завел полки в Поле, а сам сбежал. По гроб не отмоешься.

Он поскакал назад, погоняя храпевшего от изнеможения коня. Надо повернуть полк сына, сам не догадается – уноша, второй поход в Поле. Закрывать оставленную ковуями брешь! Успеть, пока половцы не опомнились! Может, и обойдется...

В полете стрелы от своих конь князя вдруг встал и зашатался. Игорь едва успел соскочить. Только на земле все понял: в боку жеребца торчала, войдя по самое оперение, стрела. Конь сел на задние ноги, затем повалился на бок, смертно всхрапнув напоследок. Игорь лапнул рукоять сабли, но не успел: словно из-под земли, выскочили визжащие всадники, передний лошадиным крупом сбил его с ног, а когда он, тяжело ворочаясь на пыльной траве (грузен ты князь, тяжел!), поднялся, было поздно саблей махать. Длинные, остро отточенные наконечники копий покачивались у шеи. Шелохнешься – и грянешься оземь с распоротым до позвонка горлом.

Из-за спин державших его на копье всадников выехал молодой, скуластый. По железному шлему и блестящей броне было видно – не из простых. Наклонился.

– Тца-тца-тца! Конязь!

Всадник сделал знак, и один из копейщиков, соскочив с коня, в одно мгновение снял с Игоря пояс с саблей, наклонившись, вытащил из голенища князя засапожник – остро отточенный широкий нож рукопашного боя. Сунув оружие себе за пояс, потянулся было содрать броню. Но главный прикрикнул.

«Похвалиться хочет, – понял Игорь, – чтоб издалека видели – князя взял».

Броня на нем была богатая: из плоских полированных колец, по краям коротких рукавов и вороту – кольца медные, золоченые. Сверху – накладной доспех из продолговатых золоченых пластинок. Далеко видать. Шлем скинул, а про доспех забыл. Заметили и переняли. Игорь закусил губу. Лопух! На других орал, а сам?

Главный над степняками коротко скомандовал, и тот, кто хотел ободрать с князя бронь, подвел ему своего коня. Игорь сам вставил ногу в стремя (степняк кинулся было поддержать, но князь на него цыкнул), взялся здоровой рукой за луку седла, вскочил. Маленькая степная лошадка прынула под тяжестью грузного тела, но устояла.

– Айда, коняжь! Айда!

Половец в блестящей броне махнул рукой, приглашая. Но Игорь даже не шевельнул своего коня. Половец нахмурился.

«Рубануть бы тебя сейчас саблей – с оттяжкой! – думал Игорь, наблюдая, как каменеет от гнева смуглое лицо. – Чтоб до пупка! Хоть бы засапожник оставили. Но можно и кулаком по зубам. Не княжье дело, но по такому случаю...»

Он не боялся – знал: не убьют. Пленный князь – дорогая добыча. Мертвый не нужен. Краем глаза увидел, как двое степняков сняли с седел арканы. Плохо. Сейчас захлестнут и потащат за собой, как быка к мяснику.

– Как звать тебя, хан? – спросил, медленно подбирая кипчакские слова.

– Чилбук, – приосанился главный. – Орда Тарголы.

Поправлять Игоря степняк не стал, хотя явно было видно, что не хан. Самое большее – из ханской свиты, один из бесчисленных младших сыновей главы захудалой орды. Байстрюк узкоглазый! До сих пор не может прийти в себя от счастья – такой полон!

– Я князь Игорь, – сказал Игорь по кипчакски, – это мое войско. Я хочу видеть, как оно сражается. Разрешаешь, хан?

Степняк в блестящей броне важно кивнул и подъехал ближе. Его воины мгновенно окружили Игоря, оставив свободным путь к битве. Бежать бесполезно. На длину копья не дадут отскочить. И тогда уж точно на арканах... Смотри, княже, раз просил!

Степняки уже опомнились после бегства ковуев и ударили войску в бок – на его полк и полк Владимира. Райгула, воевода сына, старый, опытный тысяцкий (другого к сыну не поставил бы!), успел повернуть крайние ряды, но степняков оказалось слишком много. Продравшись сквозь копья передовых воев, они смяли ряды полка и, поймав кураж, жестоко рубили и пеших, и конных. По всему было видно: долго сыну не устоять.

Игорь скрипнул зубами: смотри, княже, смотри! Твоя вина. Еще когда вышли в Поле, и солнце среди бела дня закрыла черная тень, можно было повернуть. Испуганное плохим предзнаменованием войско возроптало, а ты успокаивал, понукал, ссылаясь на волю Божию. Какая воля?! Жаль было начатого дела. С Рождества ездили в гости друг к другу, сговариваясь. Пили мед, орали песни, во хмелю грозя затоптать в пыльный ковыль вежи половецкие. И все свои: младший брат Всеволод, сынонец (племянник, сын брата) Святослав, сыны Владимир и Олег.

В прошлый год пригласили чужого, Владимира Переяславльского, так было лихо. Владимир потребовал для себя передового места в строю – не посмотрел, что много младше Игоря. Первым в степном набеге добыча больше: не станешь проверять потом их заседельные мешки – чего нахватили в вежах. Дружина возроптала, и ты отказал. Владимир сразу отложился, и пусть бы шел к себе в Переяславль, так на обратном пути пожег и пограбил твои веши. «Ты, князь, мне добычи у половцев не дал, так я у тебя сам возьму!» Дружина осатанела и, возвращаясь с победой из Поля, сходу взяла на щит переяславльский город Глебов. Секли своих, русских, злее половцев, все пограбили, пожгли, уцелевших увели в полон и продали в греки, разлучив, несмотря на все мольбы полоненных, детей с родителями, жен с мужьями. Сколько было стона и плача... Не отмолить тебе этот грех!

Воротиться можно было и позже, когда высланная вперед разведка донесла, что степняки ездят при оружии и в броне – ждут! Или прознали про русские полки, или сами идти на Русь готовились. Срам показалось возвращаться восвояси. Ночью, когда Поле спит, тихо прошли двадцать верст до первых веж. Малая орда, как увидела червленые щиты, перегоревшие

Поле, так и биться не стала. Выпустили по стреле и помчались наутек. Ковуи, полки Святослава и Владимира бросились вдогон, высекая и выкалывая отставших – тех, у кого кони поплоше, а потом стали грабить вежи. Они с Всеволодом только посмеивались, глядя, как отроки тащат драгоценные паволоки, аксамиты, золото и красных девок половецких. Отроку это надо испытать хоть раз – схватить трепещущую половчанку, перебросить через седло, а затем у костра, разгоряченным недавней битвой и пролитой кровью, приступить к ней, все уже осознавшей и покорной...

Отроки князя не забыли – поднесли с поклоном крашеный червленью конский хвост на обитой серебром палке – поганую половецкую хоругвь. Тогда и надо было уходить. С богатой добычей, полоном – в ночь. Но сначала долго ждали усакавших вдогон орде самых горячих, затем Святослав и Владимир стали жаловаться, что кони дружинников устали от погони... Не кони устали, а всадникам захотелось насладиться победой – медом, половчанками, хмельной похвальбой у костра. Он уступил. А утром, чуть свет, увидел обложившие полки со всех сторон орды – леса копий. Кончак собрал Поле в набег. В прошлом году его сильно притрепал Святослав Киевский – чтоб неповадно было ходить на Русь, и в этом году, по ранней весне, добавил еще – еле ушли поганые, распутица помогла. Кончак обиды не забыл... Они же, того не ведая, пришли прямо в пасть старому волку...

Шум битвы вдруг перекрыл рев полковых труб, и Игорь увидел, как двинулись на половцев, окруживших полк сына, всадники Всеволода. Из их рядов вылетел рой стрел (последние!), и тут же, свистя и гикая, ринулись курские кмети. В первых рядах блестел золоченый шлем – князь сам вел полк на выручку сыновцу. Игорь с замиранием сердца смотрел, как золоченый шлем влетел в черные ряды степняков. В тесноте копья сразу оказались ненужными, и сверкающая на солнце полоска княжеской сабли заскользила вверх-вниз. Даже отсюда было видно, как после каждого взмаха Всеволода разлетаются щепки – деревянные аварские шлемы половцев не выдерживали удара княжеской сабли.

Половцы вокруг Игоря зашевелились, зацокали языками – оценили отвагу. Игорь глотал слезы. Другого такого брата на Руси нет! Другие ноют, кланчат у старших уделы побогаче, а когда не дашь, таят злобу, вступают в сговор с недругами. Он же, когда сел на стол умершего старшего брата Олега в Новгороде Северском, дал Всеволоду Курск, а богатый Путивль пожалел. Сына наделил. В Курске всех богатств – только оружие кметей. Город – на самом краю Поля, больше набег отбивают, чем поля пашут. А Всеволод даже не попрекнул его – наоборот, обрадовался, как мальчик. Водить в поход знаменитых курских воев!

Игорь вспомнил смуглое, худое лицо брата – он пошел в бабушку-гречанку, – его белозубую, простодушную улыбку. Курские кмети за ним хоть в пекло, смерды и холопы боготворят. Такого нельзя не любить. Четыре года назад, когда Ростиславичи разбили их на Днепре (ходили сажать на киевский стол двоюродного брата Святослава, да получили по зубам!), боялся он, что отберут победители у них с Всеволодом уделы. Собыют с княжеских столов, выкинут в Поле, и будешь, как несчастный дед Олег, полжизни отвоевывать свои земли. Пронесло: сел-таки Святослав в Киеве, не захотели Ростиславичи больше крови лить. А Всеволод в те трудные дни более других утешал его: «Не горюй, брате! Проживем. Я с тобой всегда поделюсь, ты – со мной. Один кусок хлеба будет, так я сам укушу и тебе дам...»

Отчаянный удар Всеволода ненадолго отбросил половцев. Тут же с воем и улюлюканьем на смешавшиеся полки брата и сына ринулась свежая орда. Игорь видел, как мелькает в русских рядах золоченый шлем Всеволода: князь, размахивая саблей, пытается организовать круговую оборону, но Игорь понимал – все. Против свежей орды, а их у Кончака еще не одна в запасе, изнемогшим русским не выстоять. Из пыльного облака стали выскакивать группки всадников, скача во все стороны – побежали... За беглецами гнались, и многие в страхе бросались в соленое озеро, в тщетной надежде его переплыть. Преследователи даже не стреляли в плывущих; помахивая саблями и насмешливо крича, стояли на берегу и смотрели, как одна за

другой исчезают в мутных водах головы людей и коней. Оставшиеся степняки плотно обступили русские полки со всех сторон, Игорь теперь видел только развевающиеся стяги. Но вот они один за другим стали склоняться и исчезать. Закачался и пал последний. Его, Игоря...

Князь повернул коня и поехал, куда показывали. Слезы душили его. Степняки – хоть и редко – случалось, били русских в открытой степи. И князя в плен к ним попадали. Но чтобы все войско, со всеми князьями завести в полон – это только ты. Вся Русь, греки, ляхи, чахи, немцы, хинова и Поле незнаемое будут знать. В летописи впишут твое счастье, князь. Заслужил...

Затуманившийся взгляд Игоря скользнул по ближнему холму, и его цепкий глаз охотника сразу выхватил на нем знакомые силуэты. Два волка, замерев, настороженно следили за догорающей битвой.

«Сбежались уже на поживу!» – подумал князь, но на то, чтобы выругаться, у него не оставалось сил...

Глава первая

1

Стремительная тень порскнула поперек тропы. Мумит в одно мгновение выхватил пистолет и присел – чтобы очередь врага прошла над головой. Но почти тут же расслабленно выдохнул и сунул тяжелый «стечкин» в кургузую кобуру. Волк!

Зверь с шумом вломился в густые кусты, окаймлявшие поляну, проскочил их и широкими прыжками понесся вверх по склону. Мумит проследил за ним взглядом и на вершине отрога заметил второго волка. Тот спокойно стоял, наблюдая за происходящим внизу; его силуэт четко вырисовывался на фоне ясного синего неба. Зверь, напугавший человека, подбежал к нему и прилег, высунув язык.

Мумит спокойно двинулся по тропе. Волк, перебежавший дорогу, – хорошая примета. А два зверя, спокойно развалившиеся в виду человека, – вдвойне. Если по зарослям шныряет спецназ, волки так себя не ведут. Но Мумит не позволил себе расслабиться – неслышно ступая по влажной земле, прошел привычным маршрутом, настороженным глазом ловя присмотренные маячки. Все было, как прежде. Ни сломанной веточки, ни порванной паутины и всюду – серебряная от утренней росы высокая трава. Лучше вспаханной земли – след виден издалека.

Закончив обход, Мумит подошел к сплошным зарослям на склоне и, настороженно оглянувшись, скользнул в кусты. Скрытый от постороннего взгляда навесом ветвей, он поднялся высоко вверх и юркнул в узкую расщелину. В то же мгновение в грудь ему уперся ствол автомата.

– Алла акбар! – тихо выдохнул Мумит, и ствол отодвинулся. Мумит одобритительно кивнул: Юсеф, отступив на шаг, не опустил автомат – за спиной вошедшего мог скрываться чужой. Мумита могли привести силой, воткнув ствол пистолета меж лопаток.

Мумит скользнул в пещеру и повел взглядом – из-за бокового выступа торчал длинный ствол станкового пулемета, Ахмад страховал. Если внезапно напавшему спецназу удастся убить Юсефа и прорваться к входу, здесь, на ровном пятачке, полягут все. Ни один бронежилет не выдержит удара тяжелой пули. А у пулеметчика останется время, чтобы отступить вглубь и сделать это нападение бессмысленным. Алла акбар!

По узкому проходу Мумит миновал второй пост и спустился на дно большой полутемной пещеры. Осмотрелся. Все на местах. В дальнем углу, под стеной виднелся большой сверток – девчонка спала, завернувшись с головой в одеяло; неподалеку, примостившись прямо на каменном полу, похрапывали сменившиеся после ночного дежурства Азад и Алу. Пусть. Никто не помешает думать.

Он присел на корточки и еще раз обвел взглядом пространство пещеры. В который раз похвалил себя за выбор. По возвращении из-за границы он завел такую привычку – заранее разведывать места, где можно укрыться и переждать вдали от чужого взгляда. Потайных мест у него было много. Часть из них со временем обнаружил спецназ, часть он позже забраковал сам. Люди в близких к ним селах стали ненадежны, могли продать. Но немало оставалось...

О пещере он услышал случайно. Юсеф рассказал. Поначалу не заинтересовался. Пещеры – плохое место для схрона, их хорошо знают местные жители и полоумные туристы, которые до сих пор любят, обвешавшись веревками, ползать внутри горы. К тому же эта пещера была далеко от родных мест.

И все-таки слова Юсефа запали в память – красиво рассказывал. Когда ты постоянно прячешься в горах, разговоры на привалах и ночевках – и развлечение, и средство скрасить тяготы кочевой жизни. Из слов Юсефа в памяти отложилось «проклятая», спустя несколько

дней он потихоньку отвел подчиненного в сторонку и расспросил. В этот раз понравилось. Местные жители этой пещеры боятся панически (там дьявол живет!). Не ходят к ней сами и праздных туристов не пускают – чтобы дьявола не тревожили, не навлекали беду.

При первой же возможности Мумит побывал здесь. Пещера и впрямь производила мрачное впечатление: один большой объем с почти ровным полом, полумрак и нависающие над самой головой неровные своды. Вход – низкий, к нему надо еще подняться по узкой расщелине, по каменной осыпи. В таком месте обороняться можно сутками. Артиллерию на склоне не поставишь, а стрельба издалека – курам на смех, многометровые каменные стены снарядов не боятся. Другого входа пещера не имела. В стене справа светилась узкая щель – подросток протиснется, но взрослый мужчина и в снаряжении... К тому же еще подберись – щель в отвесной стене, вниз сотня метров, да и сверху немногим меньше. Мумит нашел еще ход – в дальней стене напротив от входа. Полез. Он все и всегда проверял сам, иначе давно бы уже отнесли его, накрытого белой буркой, на родовое кладбище.

Лаз оказался узким, вскоре ему пришлось согнуться, а потом и встать на четвереньки. Он полз, подсвечивая себе подвешенным на груди армейским фонариком, а ход все не кончался, и густая, осязаемая кожей темнота была вокруг. Ему стало страшно, затем его всего охватил панический ужас. Ему казалось, что с каждым новым шагом вперед с него словно сдирают кожу. Он чувствовал это почти наяву и ничего не мог поделать с этим ощущением. Поэтому сначала остановился, а потом, пятясь, торопливо вернулся. Куда бы ни вел этот лаз, врагов в пещеру он не приведет: если он не прошел, то и другим не удастся. Зато Мумит понял, почему местные боялись этой пещеры: тоже ползали...

Когда представилась возможность, он отнес в пещеру консервы и боеприпасы, тщательно спрятав их под камнями. У него в каждом схроне был такой запас. Денег на устройство тайников он не жалел. Тех, кто жалел, давно унесли под белыми бурками... Когда тебя гоняют по горам, это очень важно – затаиться где-либо на два-три дня, не показывая носа. Чтобы врагу надоело тебя искать, и он ушел. Если все-таки обнаружат, надо иметь возможность вести бой до темноты – ночью и наблюдатели плохо видят, и снайперы бессильны. Ночью уйти легко...

Мумит достал из рюкзака банку мясных консервов, вскрыл ее армейским ножом. Бросил на крохотную походную плитку таблетку сухого спирта, поджег и водрузил банку над синим язычком пламени. Огонь тихо шипел, и скоро по пещере поплыл вкусный запах мясного бульона. Совсем по-домашнему...

* * *

Когда-то его звали Карим...

Свадьба была в разгаре, когда его разыскал приехавший из родного села брат. Увидев его перекошенное лицо, Карим бросил инструмент и побежал прямо сквозь танцующих гостей.

...Пока ехали, руины успели разобрать. Деревянные стропила еще дымились, а над тем, что недавно было жилищем, стоял запах мясного бульона – ракета угодила в дом, когда Роза готовила ужин. Сама Роза и дети лежали во дворе, прикрытые вытащенными из-под руин пыльными покрывалами.

Позже ему говорили, что это несчастный случай – ракета отделилась от самолета произвольно. Другие утверждали, что пилот просто промахнулся – целился в другой дом, где и в самом деле прятались моджахеды. Кариму было все равно. Он сам, в нарушение обычаев, обмыл худенькие тела Айши и Заки, уступив родственникам только Розу. Родственники не теряли времени, и он успел, как того требовал обычай, до темноты отнести всех на кладбище. Карим не плакал. Едва взглянув на изувеченные тела детей, он ощутил, как внутри него словно что-то хрустнуло. И чувств не стало. Совсем. Он все видел и слышал, мог все делать и понимать, только теперь происходящее не имело для него никакой окраски. Он стал как машина,

которой все равно, куда ехать и как ехать – лишь бы хватало бензина. И была воля водителя. А воля была...

Назавтра он сказал брату:

– Дай мне денег! Мои сгорели в доме.

– У меня мало денег и много детей, – нахмурился брат. – Я тебя прошу: не делай этого! Виновного найдут и накажут – большие люди обещали. Этим ты детей не вернешь.

– Я не буду искать виновного, – пообещал Карим. – А дети твои не будут голодать. Клянись!..

Он ушел от брата в тот же день – и пропал. Больше месяца его никто не видел. А потом он появился в горах, в расположении самого известного в республике полевого командира по кличке Абдулла.

В тот день было пасмурно, авиация не летала, и все моджахеды во главе с командиром сидели на поляне – обедали. Перед Абдуллой на траве лежал огромный арбуз, он большим ножом отрезал толстые ломти и ел, сплевывая семечки перед собой. Время от времени он с силой плевал на сидевшего в двух шагах пленного русского офицера. Одна рука офицера была перевязана: на грязном бинте расплылось большое красное пятно. Всякий раз, когда косточки попадали в раненого, он вздрагивал, и моджахеды хохотали, оскаливая здоровые белые зубы.

– Чего хочешь? – спросил Абдулла, когда Карима поставили перед ним.

– Убивать кафиров.

– Поздно пришел! Ты не участвовал ни в первой войне с русскими, ни во второй. Играл на свадьбах.

– Мне надо было кормить детей.

– А сейчас уже не надо! – сплюнул косточки Абдулла. – Если бы такие, как ты, не сидели по домам, мы бы остановили русских еще у Терека. Но вы сидели. В результате у тебя больше нет семьи, а мы бегаем по горам. Уходи! Мне не нужны музыканты. Мы не ходим в бой под оркестр.

Моджахеды захохотали.

– Я инженер, – тихо сказал Карим. – А на свадьбах играл, потому что другой работы не было.

– Инженеры мне тоже не нужны, – пожал плечами Абдулла. – Землянки в лесу мы выроем сами. Мне нужны люди, которые умеют стрелять из автомата и гранатомета, делать мины и ставить их на дорогах, наконец, резать кафиров ножом. Ты умеешь?

Абдулла смотрел на Карима снизу вверх. Нож торчал в половинке арбуза. Карим вдруг схватил его, прыгнул в сторону и с размаху воткнул нож в горло русского прежде, чем его успели остановить. Повернул.

Русский как-то странно хрюкнул и повалился вперед. Карим, отступив, выдернул нож. Алая струя ударила из горла офицера, пачкая высокую зеленую траву. Русский засучил ногами и затих.

В то же мгновение Кариму завернули руки назад, выхватили нож, и он увидел перед собой разъяренное лицо Абдуллы.

– Дурак! – орал Абдулла, размахивая перед его глазами окровавленным ножом. – Если бы ты не был сыном улема, я перерезал бы тебе глотку прямо сейчас! Этот русский офицер был нужен. Я выменял бы за него троих наших!

– Я не знал, – спокойно ответил Карим. – Я приведу тебе другого.

– Когда приведешь, тогда и поговорим, – сердито сказал Абдулла, делая знак моджахедам отпустить гостя. – До этого лучше не попадайся мне на глаза...

* * *

Операция в селении завершилась. Возле обшарпанного армейского «уазика» нетерпеливо переминались с ноги на ногу двое офицеров в бронежилетах и камуфляже.

– Где его носит! – сердито сказал тот, что выглядел помоложе. – Ночевать, что ли, здесь? Стемнеет скоро!

– Дай человеку насладиться боевой обстановкой, нюхнуть пороху! – хмыкнул другой, с загоревшим до черноты, усталым лицом. – Вчера только из Моздока прилетел. Пусть наберется впечатлений!

– Какой порох! – зло возразил первый. – Ни одного боевика! Все дома обшмонали, всех хозяев на уши поставили. Никого. Они еще вчера ушли – знали об операции. Опять кто-то продал! А тут еще этот генеральский сынок...

Он хотел еще что-то сказать, но сразу умолк, заметив неподалеку гражданского. Тот явно прислушивался.

– Че надо?! – крикнул молодой офицер, сдвигая автомат на грудь. – Ты кто?

– В город довезете? – робко спросил незнакомец, делая шаг к машине. – Очень нужно. Я заплачу.

– С каких это пор военные «чехов» возят? – возмутился молодой. – Катись отсюда!

– Не положено в военной машине штатских возить, – миролюбиво сказал загорелый офицер, смягчая грубость товарища. – Запрещено.

– С вами безопаснее, – не отстал штатский. – Не хотите денег – у меня водка есть. И закуска.

Оба офицера внимательно посмотрели на незнакомца. Среднего роста, худощавый и чисто выбритый, он не походил на местного. Светлая рубашка с галстуком вообще смотрелись дико в селе, где только что прошла зачистка.

– Ты кто? – хмуро спросил молодой офицер.

– Музыкант. На свадьбе играл. Сейчас домой спешу.

– А где инструменты?

– Их завтра отвезут. Тяжелые...

– Документы есть?

– Вот! – протянул штатский паспорт. – Меня уже проверили, но посмотрите и вы.

– Все равно не положено, – со вздохом сказал старший, возвращая документ. – Приказ.

– Военные с оружием боятся одного штатского? – улыбнулся незнакомец.

– Да я тебя сейчас! – заворчал молодой офицер, возясь с автоматом...

– Что тут такое?..

Все, не сговариваясь, оглянулись. К «уазiku», улыбаясь, шел круглолицый, румяный лейтенант в новеньком камуфляже.

– Просит довезти до города, – устало сказал загорелый. – Водку предлагает.

– Так в чем вопрос? – засмеялся румяный. – Поехали!..

Едва «уазик» миновал блокпост, румяный, сидевший на переднем сиденье, перегнулся назад.

– Где водка?

Штатский без лишних слов достал из сумки бутылку.

– Случайно, не отравлена?

Штатский молча скрутил пробку и отхлебнул из бутылки. Сунул ее румяному, достал еще одну. Отхлебнул из нее.

– Ты, смотри, Аллаха не слишком чтишь! – засмеялся румяный и повернулся к загорелому. – Приговорим их в машине или притормозим?

– Здесь рядом родник чистый, и место хорошее – поле вокруг, никакой «зеленки»! – засуетился штатский. – У меня стаканы есть и закуска хорошая – со свадьбы везу.

– Уговорил! – засмеялся румяный...

«Уазик» свернул с шоссе и, проехав сотню метров, остановился у родника, струившегося у небольшого холма. Штатский услужливо разложил на капоте машины закуску, сбегал к роднику и вернулся со свежевывмытыми стаканами – на стенках поблескивали в лучах солнца прозрачные капельки. Офицеры выпили, с удовольствием закусили. Мясо со специями и зеленью таяло во рту.

– Люди женятся, е...ся... – вздохнул молодой офицер. – А нам... Сплошная тушенка с макаронами.

– Будешь? – протянул загорелый стакан сидевшему в сторонке штатскому.

– Нет-нет, – замахал тот руками. – Я уже выпил. Вам и так мало.

– Как знаешь, – пожал плечами загорелый.

Когда «уазик» снова выбрался на шоссе, атмосфера в машине стала куда теплее. Офицеры громко разговаривали, перебивая друг друга. Но скоро один за другим стали замолкать. Когда последний откинулся головой на спинку сиденья, штатский достал из кобуры загорелого пистолет, ткнул стволом в тонкую шею водителя.

– Вон там свернешь! И езжай спокойно...

Смеркалось, когда они притормозили у подножия заросшей лесом горы. Штатский приказал солдату-водителю вытащить из машины офицеров: молодого и загорелого. Бронежилеты и всю амуницию с обоих он предварительно снял. Щупленький, лопоухий, весь в веснушках солдатик беспрекословно повиновался, укладывая обоих офицеров лицом в траву. Штатский приказал и ему лечь рядом. Солдатик послушался, но вдруг, все поняв, заскулил жалобно, по-собачьи. Поэтому получил пулю в затылок первым...

* * *

– Как тебе удалось? – спросил Абдулла, когда Карим швырнул ему под ноги окровавленного, разом растерявшего весь свой румянец русского.

– Клофелин, – коротко ответил Карим.

– Подлил в водку?

– В водку и еду было нельзя – могли заставить попробовать. И заставили. Побрызгал на стенки стаканов, после того как помыл.

– Как догадался?

– Слышал от людей. Русские проститутки так травят клиентов перед тем, как обобрать. Моджахеды захохотали.

– У тебя было три офицера, – недовольно сказал Абдулла. – А привел одного.

– Я был должен одного.

– Мой был капитан. А твой – лейтенант.

– Он сын генерала. За него тебе дадут пятерых моджахедов. Может, и больше.

– А руку ему зачем прострелил? – вздохнул Абдулла.

– Твой был тоже раненым.

Абдулла долго и внимательно смотрел на Карима.

– Чего хочешь? – спросил, наконец.

– Сбивать их самолеты. Дай мне «стингеры».

– Может, еще зенитную установку «С-300»?

Моджахеды, окружавшие их, снова захохотали.

– «С-300» у тебя нет, – спокойно сказал Карим. – Дай мне «стингеры».

– «Стингеров» у меня тоже нет, – ответил Абдулла, – мне НАТО оружие не поставляет. Есть две русских «стрелы». Никто из наших не знает, как с ними обращаться.

– Я знаю.

Абдулла снова внимательно посмотрел на Карима.

– Меня учили в армии, – пояснил Карим. – Кроме того, я инженер.

– Хорошо! – согласился Абдулла. – Но с тобой пойдут двое моих. «Стрелы» тяжелые – помогут, – торопливо добавил он, заметив, как вытянулось от обиды лицо Карима.

* * *

Стояла осень, дождало, и они просидели без дела на горе трое суток. Спутники Карима коротали время за разговорами. На вершине было холодно и неудобно, но Карим запретил спускаться к подножию. Никому не пришло бы в голову искать кого-либо на этой вершине в такое время, а в долине могли и заметить. Сам Карим за эти дни сначала дотошно изучил и проверил «стрелы» (он соврал Абдулле, что знаком с ними), затем, забыв о спутниках, все время сидел под мокрым деревом, отрешенно глядя вдаль.

На четвертый день выглянуло солнце, и Карим велел спутникам спрятаться в кусты. Сам занял позицию на склоне. Следил за циферблатом часов. Когда пришло время, снял защитную крышку с пусковой трубы и замер в готовности.

Ждать пришлось недолго. Сначала вдали возник гул, затем показалась серебристая точка, все увеличивающаяся в размерах, и вскоре реактивный штурмовик с грохотом развернулся над горой и пошел вдоль ущелья. Карим, услышав писк («стрела» поймала цель), нажал на спуск.

Тонкая ракета, словно гадюка, вытянувшаяся в линию, прыгнула из пусковой трубы и в несколько секунд догнала штурмовик. Нырнула прямо в оранжевое пламя, бьющее из двигателя, и самолет сразу словно вспух. Вспышка озарила мрачное ущелье; когда до склона, где стоял Карим, донесся грохот взрыва, штурмовик, кувыряясь, достиг дна ущелья. И смялся о камни ручья, словно пластилиновая игрушка.

– Алла акбар! Алла акбар!

Спутники Карима, выскочив из кустов, палили вверх из автоматов, вопя и приплясывая. Расстреляв по рожку, подбежали к нему.

– Пойдем! – скаля зубы, закричал Юсеф (в ту пору его тоже звали иначе). – Туда! – он указал на дно ущелья. – Заберем у них документы, оружие.

Карим некоторое время молча смотрел на их потные, счастливые лица, затем молча указал на кусты. В глазах Юсефа мелькнула обида, но тут же исчезла. Он без слов обнял за плечи ничего не понявшего Ахмада и увел его в укрытие. А Карим, отбросив использованную трубу, присел на корточки. Ждал.

Прошло не менее двух часов, прежде чем он встал и поднял с камня вторую «стрелу». Прислушался. Но в этот раз ждать пришлось долго. Наконец, вдали снова послышался знакомый гул, серебристая точка возникла вдали, и такой же, как и первый, штурмовик с грохотом развернулся над горой.

И снова хищная гадюка с дымным шлейфом на хвосте ужалила нырнувший в ущелье самолет. Снова вспышка, грохот, и подстреленная стальная птица смялась на камнях ручья. Неподалеку от первой.

В этот раз Юсеф с Ахмадом не стреляли. Выбежав из кустов, смотрели на Карима с немым обожанием. Если бы он сейчас приказал им прыгнуть вниз, прыгнули бы. Но он не приказал...

Он ничего не стал объяснять Абдулле, хотя тот долго допытывался потом, как ему удалось. Не хотел. Да и как было рассказать о том, как он две недели рыскал по горам, пытаясь определить маршруты полетов, а потом еще неделю без еды, окоченевший сидел на этой горе с

часами в руках, определяя время подлета и траекторию разворота летавших на бомбардировку «зеленки» штурмовиков. Где-то далеко в русском штабе прочертили эту линию и вручили карты пилотам. Менять ее время от времени в штабе сочли излишним – война шла с дикими горами, не способными проникнуть в сокровенную тайну замыслов выпускников военных академий. Пилотам даже не приказали отстреливать при развороте тепловые ракеты, способные сбить с цели «стрелы», – для экономии военного имущества. А после того, как не вернулся на базу первый самолет, второй послали тем же маршрутом – искать. Видимо, решили, что первый просто зацепился крылом за склон...

Перед тем, как уехать в Афганистан, Карим заглянул к брату. Молча сунул толстую пачку зеленых купюр.

– Не возьму! – отшатнулся брат. – На этих деньгах – кровь!

– Кровь, – согласился Карим. – Но это кровь моих детей. И они хотят, чтобы мои племянники не голодали.

Брат молча склонил голову.

– Меня наверняка будут искать, придут к тебе, – продолжил Карим. – Скажи им, что меня убили в горах при обстреле. На кусочки снарядом разнесло, хоронить было нечего.

– Они не поверят, – возразил брат. – И придут снова.

– Не придут. Я не буду больше сюда ходить. Ты видишь меня в последний раз. Так что для тебя я тоже умер.

Он обнял брата и исчез в темноте...

2

В стороне послышался шорох, и Мумит поднял голову. Девчонка сидела, отбросив в сторону одеяло, выразительно протягивая к нему скованные стальными браслетами руки. Левая кисть обмотана грязным бинтом.

Мумит встал, достал из кармана ключ и расстегнул браслеты. Затем снял их и с лодыжек пленной. Девчонка встала и, неуверенно ступая, отошла в сторонку. Пока она, присев, делала свои дела, Мумит стоял, не спуская с нее глаз. От такой можно ждать всего.

Когда Юсеф, перетянув левый мизинец девчонки шнурком, в одно мгновение снес ножом две верхние фаланги, она не упала в обморок. Тоненько ойкнула. Две крупные капли выкатились из ее глаз. Но тут же она закусил губу и молчала все время, пока Юсеф неуклюже бинтовал ей руку. А затем с ненавистью сказала прямо в объектив видеокамеры:

– Папа все равно вас убьет! Всех!..

Мумиту пришлось стирать эти кадры перед отправкой. Это вполне мог сделать и человек Хасана, но Мумит не хотел, чтобы Хасан видел. Если его людей впечатлило...

Девчонка вернулась назад, и он снова сковал ей руки и ноги. Достал из рюкзака пачку печенья, молча бросил ей на колени. Поставил рядом кружку с водой: хочешь – умывайся, хочешь – пей. До вечера все равно ничего не получишь. За водой надо ходить к роднику, не близко. И ночью – чтобы не заметили.

Он взял опустевшую банку консервов, подобрал остатки галетой. Твердое тесто плохо впитывало мясной сок. Хлебом было бы лучше. Но хлеба они не видели давно. А мужчина должен есть мясо...

* * *

– Ты должен взять другое имя! – сказал ему командир школы моджахедов в Афганистане, знакомясь с новичками. – Абд-аль-Карим (великодушный) тебе не подходит.

– Пусть будет Абд-аль-Мумит (убивающий), – предложил Карим.

Командир внимательно посмотрел на него.

– Может, лучше Абд-аль-Мунтаким (мстящий)?

– Я не буду им мстить, – хмуро ответил Карим, – я буду их убивать...

В школе ему понравилось, хотя Юсеф и Ахмед ворчали: тяжело. Жилистое тело Мумита благодарно отзывалось на военные занятия, ему нравилось стрелять и учиться делать мины. Еще больше ему нравились занятия по разработке и планированию операций – здесь он был первый.

Когда учеба закончилась, командир школы вызвал его к себе. Рядом с ним сидел на ковре, поджав ноги, незнакомый Мумиту мужчина средних лет. Чернобородый, с умными живыми глазами.

– Ты наш лучший ученик, – сердито сказал Мумиту командир, даже не предложив ему сесть, – а я не знаю: отправить тебя обратно или расстрелять прямо здесь.

– Почему? – спросил Мумит.

– Ты не веришь в Аллаха, милостивого и милосердного. Ты избегаешь молитв и дерзко разговариваешь с имамом. Он жаловался. Все мои выпускники готовы отдать жизнь за Аллаха хоть сейчас. А ты нет.

– Я нужен Аллаху живым, – спокойно ответил Мумит.

– Собака! – выругался начальник и вытащил пистолет. Чернобородый незнакомец оставил его жестом.

– Почему так думаешь? – спросил с любопытством.

– Когда я спросил имама, почему Аллах позволил кафирам убить моих детей, он ответил, что Аллах решил сделать меня своим мечом, разящим неверных. И я должен быть благодарен за такую милость. Я благодарен. Меч, чтобы разить, должен жить.

– Но человек, который не боится Аллаха, может предать нас и перейти на сторону врага, – сказал чернобородый, хитровато поглядывая на Мумита. – Что скажешь?

– В моей стране на сторону врага перешли имамы и даже муфтий, – спокойно ответил Мумит. – Русские простили им объявление джихада. А мне никто не простит два самолета, четырех летчиков и троих пехотных офицеров.

Чернобородый одобрительно кивнул.

– Вернешься к Абдулле? – спросил.

– Нет. У Абдуллы много людей. У каждого – родственники, друзья, сотни людей знают, где искать Абдуллу. Скоро его поймают или убьют. Я хочу убивать кафиров много и долго. Поэтому у меня будет мало людей.

– Я забираю его, – повернулся чернобородый к командиру школы. – И всех, кого он возьмет с собой.

Так он познакомился с Хасаном...

* * *

Удивленный возглас отвлек Мумита. Он поднял голову. Ахмед стоял с пулеметом наперевес, нацелив его на вход в пещеру. Волк!

Мумит сделал знак Ахмеду опустить оружие – стрельбы только не хватало! Волк стоял спокойно, с любопытством поглядывая на всполошившихся людей, а затем трусцой спустился вниз. Не спеша, пошел вдоль стены, приносясь. У расщелины задержался, выглянул и некоторое время стоял задом к людям. Затем, пятясь, вернулся и снова потрусил у стены. У таинственного лаза опять остановился, нырнул в него, но очень скоро вернулся – видно, там ему пришлось несладко.

– Что это он? – изумленно спросил Ахмад.

– Место ищет, – тихо ответил Мумит, с любопытством наблюдая за зверем. – Переночевать негде.

Ахмад оскалил зубы в улыбке.

Волк тем временем подобрался к девчонке и остановился в двух шагах, разглядывая.

– Куси ее! – заржал Ахмад. – За мягкое место!

Девчонка бросила зверю печенюшку. Тот осторожно понюхал, затем снова посмотрел на нее и проглотил угощение. Девчонка бросила ему еще. В этот раз зверь поймал печенюшку на лету. Уставился впросительном.

– Больше нету! – девчонка развела руками. – Кончились!

Зверь тихо улегся возле ее ног. Девчонка скованными руками погладила его вдоль спины. Волк перевернулся на спину, показывая ей живот. Девчонка погладила и его.

– Волчок... Хороший...

Ахмад впросительном посмотрел на Мумита. Тот в ответ пожал плечами. Зверь был явно ручной. Сбежал, наверное, из зверинца или жил у кого во дворе. Такое бывает. Ему не понравилось, что волк выбрал девчонку, но она его первой накормила. Следовало отругать Юсефа за то, что пропустил зверя в пещеру, но Мумит передумал. Стоять на посту в расщелине – занятие невеселое, Юсеф решил подшутить. С другой стороны... Лишний сторож в пещере не помешает. И какая разница, кого он будет охранять...

Волк тем временем встал и неспешно потрусил к выходу. В расщелине он проскользнул мимо Юсефа – тот только оскалился ему вслед. Юсеф не стал бы улыбаться, догадайся сейчас проследить за зверем. Оставленный им без внимания волк, нырнув в кусты, спустя короткое время встретился на поляне с другим зверем. Подошел и, осторожно орудуя резцами, перегрыз кожаный ошейник на шее соплеменника. Аккуратно подобрал зубами черную коробочку, висевшую на ошейнике, и сдвинул ее клыками...

Глава вторая

Трое всадников, бок о бок, медленно двигались посреди безлюдной степи. Лошади устало перебирали ногами, раздвигая грудью высокий ковыль. Лица всадников были покрыты пылью и черными пятнами – то ли крови, то ли грязи; железные рубахи на груди изрублены, шлемы помяты. У одного из троицы – высокого, с густой проседью в бороде и полуседыми волосами, прилипшими к потному лбу, шлема и вовсе не было – только круглая шапочка-мисюрка.

Внезапно седобородый поднял руку, и все трое остановили коней. В наступившей тишине откуда-то слева донесся еле различимый дробный звук.

– Текот, – радостно сказал седобородый.

– Что? – не понял всадник помоложе, с короткой русой бородой.

– Текот, – повторил старик, – дятлы.

– Откуда в степи дятлы?

– Яруга рядом. А в ней деревья. И вода...

Все трое, не сговариваясь, повернули лошадей и дружно прищипорили их. Спустя короткое время взору всадников открылась узкая и глубокая яруга, сплошь поросшая кустарником и деревьями. На дне ее неудержимо манила прохладным блеском серебряная полоска ручья.

Всадники, натягивая поводья, торопливо спустились вниз. Двое, в том числе и седобородый, соскочив с лошадей, упали лицом в воду и стали жадно пить, давясь и откашливаясь. Русобородый, соскользнув на траву, остался стоять, удерживая поводья всех трех коней. Те хрипели и рвались к воде, но воин, жадно облизывая пересохшие губы и упираясь изо всех сил ногами в топкий берег, сдерживал их.

Первым заметил это седобородый. В два прыжка подскочил и забрал поводья.

– Старый дурак! – выругал сам себя. – Чуть коней не погубил – напились бы, запаленные, до смерти. Спаси тебя Бог, добрый человек!

Русобородый вместо ответа нырнул лицом в воду и долго пил, время от времени отрывая лицо от гладкой поверхности ручья и снова приныкая к вожделенной влаге. Затем встал, торопливо снял шлем, стащил через голову бронь вместе с войлочным подкладом, а затем – и синюю холщовую рубаху. Седобородый только крикнул. Все тело воина до поясного шнура портов было сплошным синяком. Кое-где на почерневшей коже виднелись небольшие ранки, от которых сбегали вниз засохшие уже струйки крови.

«Стрелы, – определил седобородый, – покололи через кольца. По груди и спине крепко мечами хлестали. Хорошо, бронь выдержала...»

Воин тем временем яростно плескал на себя воду, стирая ладонями с избитого тела кровь и грязь. Умывшись, набросил на влажное тело рубаху и потянулся к броне.

– Заночуем здесь! – остановил его седобородый. – Кони изнемогли.

– А половцы?

– Нет их здесь. На полдня вокруг. Все там, где сеча была, – седобородый кивнул головой на юг. – Полетели, воронье. Полон уже разобрали по ордам, а сейчас трупия обдирают. Броня, оружие, сапоги... Пожива богатая – до ночи занятия хватит. Потом сядут у костра пить кумыс и будут хвастаться друг пред другом, кто сколько русских убил, а сколько в полон взял.

– Почему ведаешь?

– Ведаю, – хмуро ответил седобородый. – Пришлось... Меня Якубом зовут, – вдруг спохватившись, сказал он, – сотник в войске Владимира. Это, – кивнул он в сторону худенького, остроногого юноши, помогавшего ему держать коней, – Василько, сыночек мой.

– Улеб, – отозвался русобородый. – В крещении – Миколай.

– Из князей, что ли? Раз два имени?

– Из безудельных, – подтвердил Улеб.

– То-то я смотрю: шлем золоченый.

– Отцовский...

Якуб понимающе кивнул и повернулся к Васильке.

– Спутай коней и стрели хоть утку на ужин. Второй день не евши.

– Стрел нет, – хмуро ответил юноша.

Улеб молча подошел к своему коню и снял с седла длинный кожаный колчан. Василько открыл крышку, достал стрелу. Узкое железное острие попробовал пальцем.

– Бронебойная... Что не стрелял? – сердито глянул на Улеба.

– Лука не было, – пожал тот плечами. – Да и туля не моя. На седле висела. Конь тоже не мой, – пояснил. – Увидел, что поганый ведет на поводу, срубил его, гляжу – добрый конь, боярский. Мой к тому времени совсем пристал. Перескочил на этого...

Василько перебросил колчан через плечо, вытащил из кожаного чехла длинный лук. Якуб поднялся по склону яруги. У выпиравшей из земли широкой жилы из тонких каменных плит остановился и стал яростно ковырять между ними кривым мечом. Скоро вернулся обратно, бросил на траву три выломанных каменных куска и меч. Улеб подобрал оружие. Железное лезвие было сплошь выщерблено, в некоторых местах до самого стока.

– Даже переточить нельзя, только перековать, – сердито сказал Якуб, заметив его интерес, – дрянь железо, не русский кузнец работал. Подобрал в веже половецкой, когда в первый день их побили, поначалу понравился – длинный, в руке добре лежит, да и рубить с коня кривым сподручнее. Мой коротковат, – он вытащил из ножен на поясе прямой меч с закругленным на конце лезвием. – Еще дед в поход с ним ходил. Рубаху железную с одного удара рубит.

Улеб бережно взял меч, осмотрел лезвие. Его сковали из трех полос. К серединному долу из простого железа кузнец наварил по длинным краям два острия из многократно прокованного металла. Затем отковал окончательно. Острия отливали синеватым дамасским узором и, казалось, жаждали впиться в живое тело. Улеб повернул меч. У перекрестия на серебристом металле явственно виднелись угловатые буквы «Людота коваль».

– Вот что, княже, – сказал Якуб, забирая оружие. – Коли не в тягость, принеси из кустов хвороста, а я пока очаг сделаю...

* * *

Василько вернулся, когда дрова в сооруженном из двух каменных плит очаге еще не стали углями. Сбросил с плеч тушу степной козы. Голова ее с застывшими большими глазами безжизненно ударилась о землю. Протянул колчан Улебу.

– Забирай! – махнул тот рукой. – У меня все равно лука нет. И стреляю плохо.

– Не княжье дело... – заметил Якуб, осматривая тушу, и удовлетворенно крикнул, заметив единственную крохотную ранку на боку. – С первой стрелы!

Он вытащил из-за голенища сапога нож и быстро освежевал убитую козу. Затем так же ловко стал нарезать парное мясо широкими, тонкими ломтями. Василько тем временем укрепил над огнем третью каменную плиту и принес от кустов стопку листов лопуха. Дядя и племянник занимались каждый своим делом быстро и слаженно – по всему было видно, что такие ночевки им не впервой. К тому времени, когда Якуб покончил с тушей, плита над углями прогрелась. Василько обмел с нее травяной метелкой песок и стал бросать на горячий камень ломти мяса. Они шипели, распространяя вокруг нестерпимый для голодных людей запах печеной козлятины. Как только ломти начинали коробиться, Василько одним движением переворачивал их ножом. Уже запеченные складывал на лопухи.

– Ловко! – похвалил Улеб, сглатывая слюну.

– Два лета в половецком полоне мясо пекли, – пояснил Якуб. – Хочешь, не хочешь – научишься. Держи! – он подал Улебу теплый кус мяса на лопухе.

Воин жадно впился в него зубами, затем, что-то вспомнив, отложил мясо в сторону. Сбежал к лошади. Обратно вернулся с большой глиняной флягой в кожаном чехле. Положил ее на колени Якуба. Старый воин вытащил глиняную пробку, глотнул.

– Мед! Боярский, ставленный!

– Я же говорил: не мой конь! – ответил Улеб, забирая флягу и делая из нее добрый глоток. – Полдня у колена болталась – даже посмотреть было некогда. Ясно только, что не вода – давно выпили бы. Держи! – он протянул флягу Васильке. Тот, не прекращая печь мясо, показывал головой.

– Не хочет он!

Якуб забрал у Улеба флягу и надолго приложился. Вернул. За ужином фляга несколько раз переходила из рук в руки, пока не опустела совсем. Якуб бережно положил ее рядом с собой.

– Утром воды наберем в дорогу.

Василько тем временем покончил с мясом, сложив его на лопухи. Торопливо пожевав, встал. В свете выкатившейся на звездное небо полной луны было видно, как он снял со стрекоженного коня седло, бросил его на траву и лег, примостив седло под голову.

– Что это он? – спросил Улеб. – И слова не сказал.

– Простить не может, что из сечи вытащил, – вздохнул Якуб. – Очень хотелось голову за князя сложить или в полон с ним попасть. Как честь дружиннику велит. А что с той чести! – ощерился Якуб. – Два лета у половцев в полоне пробыли! Вспомнил нас тогда князь? Выкупил или поменял на поганых? Пока сами не сбежали...

– Почему не поменял? – удивился Улеб.

– Когда вернулись, князь сказал: не знал, что мы у поганых – мол, говорили ему, что срубили обоих в сече. Так и не знал! – зло сказал Якуб. – С купцами весточку два раза передавал. Князь сказал: не дошли до него те весточки. Поди, проверь: лжа то или нет.

– А родные что не выкупили?

– Нет у меня никого. Кроме него, – кивнул Якуб в сторону спящего. – Еще когда с Кобяком воевали и в походе был, напали поганые – кого из родных посекли, кого в полон увели. Пятерых деток моих, двоих братовых, жен наших... Хотел выкупить, даже гривны уже одолжил, но не нашел своих. Видно, сразу продали их – в греки или басурмениям, где искать? Так и не знаю до сих пор, где детки мои, живы ли ... – голос Якуба дрогнул. – Один Василько уцелел. Он у брата старший, маленький толстый был, кудрявый. Очень княгине Ярославне понравился – своих деток у нее тогда еще не было. Взяла в палаты для забавы. А когда у нее Владимир родился, они, считай, вместе росли.

– Должны были выкупить!

– Никому они не должны... – хмуро отозвался Якуб. – Как в сечу идти, так ты им нужен, а как из полона вернулся, дали две веси для прокорма – половцами разграбленные. Самим смердам есть нечего... Пришлось купу брать – десять гривен. Думал, в походе добычу возьму – отдам. Взял...

– Не за добычей Игорь в Поле пошел.

– А то зачем? – хмыкнул Якуб. – Паволоки, аксамиты и узорочье разное, что в вежах взяли, – баловство, его только девкам на платье дарить или храму жертвовать – попу на облачение. Раб из половца плохой: работать на земле не умеет и не хочет, сбежит быстро. Ногату за него взять – и то счастье. Девку половецкую можно и подороже продать, если молодая и красная, но это тоже не добыча. А вот кони... Хороший конь всем нужен: и князю, и дружиннику, и оратаю – соху таскать. Самый худой – гривна, посправнее – две, а за лучшего, что под дружинника пойдет, все пять взять можно. Князь правильно время выбрал: к началу весны в Поле кобылы жеребятся, к лету жеребя подрастает – можно и табуном перегнать. За конями шли...

– Святослав Киевский войско собирал, – возразил Улеб. – В конце зимы на половцев ударить. Поэтому Игорь свои дружины созвал. Только не успел к сроку: по снегу хоть конными, но за седмицу никак... Воевода Святослава без нас пошел. Вот Игорь и решил: раз уж собрались, то в Поле идти. Самим.

– И добыча так больше, – хмыкнул Якуб. – В прошлое лето сами ходили, разбили малую орду – хорошо ополонились. В это лето хотели больше взять. Взяли...

– Ждали они нас, – вздохнул Улеб. – В броне и с оружием ездили.

– Князь Игорь – хорошо полки водит, – задумчиво произнес Якуб. – По всей Руси поискать. Но добрый слишком. Когда узнал, что половцы бронные и при мечях, умно сделал: ночью тихо перешли верст двадцать и напали на поганых неожиданно. Те и биться не стали – сразу побегли. Поганые храбрые, когда их трое против одного... Добычу мы взяли хорошую, полон... А вот дальше не надо было князей своих слушать, передых им давать. Приказать строго: уходить! С добычей и полном – к своей земле! Уже добрались бы...

– В полоне Игорь, – вздохнул Улеб. – И Владимир. Наверное, и Святослав с Всеволодом. Много наших в полон попало.

– Князьям что! – хмуро сказал Якуб. – Будут жить в шатрах да кумыс попивать. Ждать, пока выкуп привезут. А вот дружинникам и воям колодки на шею набьют, кому – и на ноги; будут плевать на них и пальцами показывать. Поганые это любят. Первая у них забава – в человека плевать.

– Неужто князей – в шатры?

– А то! Они ханам – свои! Дед Игоря с погаными уделы отвоевывал, отец его половцев на землю русскую водил. Сам Игорь, когда Святослава надо было на киевский стол сажать, с Кончаком за Днепр ходил. Тогда Ростиславичи крепко им дали. Еле ноги унесли! Игорь в одной лодке с Кончаком уплыл. После этого и просватал за сына Кончаковну.

– Владимира?

– А ты не знал? Отец Игоря, Святослав, на половчанке был женат. Чего ж Владимиру не быть? Не обидит Кончак свата. Выкуп возьмет, и добрый – без него не отпустит, но содержать будет хорошо. Слуг даст и девок. Пей, веселись! Сам тем временем на Русь пойдет. В северской земле войска нет – всех Игорь в Поле положил. Жги, грабь без помехи, уводи в полон жен и детушек, – Якуб скрипнул зубами. – Только-только отстроились смерды...

– Святослав Киевский поможет.

– Если захочет. И успеет. Войско собрать надо. А он еще не знает.

– Чего сидим?!

– На заморенных конях далеко не уедешь. Пешком быстрее. Не тревожься! Беловолод Просович с двумя заводными конями на Чернигов пошел. Сам видел. Если будет скакать без роздыху, в три – четыре дня доспееет до Ярослава Черниговского. Тот со Святославом Киевским снесется. Нам к себе ехать надо, смердов предупредить, чтоб попрятались в лесу и скот увели, а добро прикопали. В лес половец не пойдет – боится.

– Зато города пожжет.

– Не умеют поганые города брать. Посады – да, выжгут, но за забрала не влезут. Посады люди отстроят...

У костра на некоторое время все стихло.

– У тебя, княже, дети есть? – спросил Якуб, первым прервав молчание.

– Нету. И жены... Куда жениться, безудельному? Княжья дочь не пойдет, а неровню брать не хочу.

– Лет тебе сколько?

– Тридцать скоро.

– Старый уже. Не женишься.

– Гомий, город свой удельный, верну – женюсь.

– Жениться надо смолоду, – не согласился Якуб, – чтобы дети вырасти успели, не шли в сироты маленькими. Васильке сколько это говорил, даже невесту нашел – не схотел.

– Невеста не понравилась? Некрасивая?

– Немного рябоватая, но что с того? Все остальное – при ней. Сядет – лавка трещит. Дочь боярская, в приданое за ней пять вервей давали. Богатых, не то что мои...

– Значит, послушался сынонец стрья, – усмехнулся Улеб.

– Князю Владимиру на меня нажаловался. А тот сам еще дите горькое. Ножками затопал: «Нечего Васильке жениться поперед меня!» Тебе дело? Ты свое, княжье, справляй...

– Не любишь ты князей!

– Смотря каких! За тебя вот, как вернемся, молебен попу закажу. Выручил, когда поганые нас с Василькой обступили. Я уже снова в полон готовился...

– Боялся?

– Мне ль не бояться? Попал бы на хана, от которого утекли, – привязал бы обоих к хвостам кобылиц и погнал бы в степь. Спас ты нас!

– Было не тяжело. Половцы сечи не любят. Они больше стрелами...

– Как ты их сек! Налетел, как коршун, ругался... «Блядины дети... Выблядки кобыльи... Песья кровь», – с удовольствием повторил Якуб. – Даже слушать было страшно. Зло у тебя на них?

– Зло.

– Убили кого?

– Сестру. Монашку. Она в Белгороде, в обители женской жила. Прошлым летом напали половцы. Над монашками учинили поругание великое, кто сопротивлялся – посекли. Сестра сопротивлялась...

– Мы девок половецких в вежах тоже не миловали, – задумчиво сказал Якуб. – Таскали по полю... Видел?

– Так монашки!

– А половцу что монашка, что не монашка. Он в нашего бога не верует. Для него монашка – баба, и все! Он к русской веси прискачет – ударит оратая стрелой, жену его возьмет, детей. Кого себе оставит, кого в рабы продаст. Мы к их вежам придем – половца зарубим, жену и детей в полон заберем, продадим купцам. Так и живем...

Якуб замолчал, и возле давно потухшего костра на долгое время установилась тишина.

– Ты жил у них два лета, – тихо сказал Улеб. – Что за люди? Угров знаю, ляхов тоже, жмудь воевал, на ятвягов ходили... А в Поле впервой.

– Люди как люди, – пожал плечами Якуб. – Как и мы. У меня они детей увели, жену, а зла нету... Было, пока не пожил в полоне. Жизнь у поганых тоже не мед. У нас князья, у них ханы; у нас лучший, у кого земли больше, у них – скота. Разве только мы над полонными так не измываемся, и серебро они больше любят. Поэтому мне с Василькой удалось два лета вместе прожить. Продать нас – выгода маленькая, выкуп я сулил в сто раз больше. Ждали. Даже в колодки нас не забили. Только вязали на ночь, чтоб не сбежали. Днем мы скот стерегли – хлеб отрабатывали. Два лета и прошло. Потом вижу: разозлились, ругаются – точно, думаю, в Тмутаракань на рынок свезут. А тут еще с Василькой беда. Ханский сын его приметил и стал к себе в шатер звать.

– Зачем?

– Для утех плотских. У поганых таких, что с мужиками живут, хватает. Жену им надо купить, а серебра нету. У ханского сына было, но он до баб не охочий. Василько отказался к нему идти, так он силой в шатер затащил. Вижу – беда, зарежет сынонец половца, коли случай представится. Тогда обоим – лютая смерть. Поговорил с Василькой – и сбежали. Ремни на руках зубами развязали и ушли. Месяц к своим добирались.

– Пешком?

– На конях от них не ускачешь – сразу догонят. Тогда точно в колодки... В Поле всадника далеко видать, а пеший в ковыле схоронится. Пешему всадника издали слышно, а конному – совсем нет. Поганые пешком ходить не любят, они с младенчества на конях. Легко с Василькой ушли. Взяли лук, по дороге стреляли коз, лебедей, уток... Яругу по течоту дятла всегда найти можно, а в яруге – вода, дичь, дрова для костра...

– А как половцы огонь увидели бы?

– Ночью они по Полю не ездят – стада от волков охраняют; если костер в яруге затеплится, из степи не видно...

* * *

У ручья вдруг всхрапнули стреноженные кони, забили копытами. Люди у костра насторожились. Оба одновременно огляделись по сторонам. И замерли. Две пары круглых глаз горели холодным огнем всего в нескольких саженях от костра.

– Волки!

Якуб схватился за рукоять меча, но Улеб упредил.

– Сиди тихо! Это не волки.

– А то я волков не знаю! – не успокоился Якуб. – Два года от скота отгонял. Половцы их пуще нас боятся – за ночь полстада могут вырезать. У веж и дитенка подхватят, коли мать не досмотрит...

– А я говорю: не волки! – твердо сказал Улеб. – Все волки сейчас там, где сеча была. Там им пожива! Этих двоих я еще днем приметил: как ушли мы от половцев, за нами увязались. Потом отстали – притомились, видно. Но по следам сыскали... Иди сюда!

Улеб взял с лопушинного листа уже остывший ломоть мяса и бросил ближнему зверю. Хорошо видимый в лунном свете, тот некоторое время колебался, но потом подскочил и жадно схватил угощение. Мгновенно проглотил. Улеб бросил ему еще. Затем, размахнувшись, швырнул мясо зверю, стоявшему дальше.

– Ты что! Печеным мясом зверье кормить?! – заворчал Улеб. – Там от козы половина осталась – пусть рвут...

– Нельзя им сырое мясо, – ответил Улеб, не переставая бросать ломти, – если бы можно, без нас нашли бы. Иди сюда! – протянул он мясо зверю, ждавшему угощения. – Иди, не бойся!

Зверь, настороженно вытянув морду, несколько мгновений стоял, словно размышляя: доверять позвавшему его человеку или нет. Затем, настороженно ступая, подошел. Улеб протянул ему мясо на ладони. Зверь аккуратно взял его зубами.

– Ух ты! – выдохнул Якуб.

– Отощал, бока подвело, – сказал Улеб, разглядывая животное. – Давно человеческой еды не видел. И рана на голове. Поджила уже. Похоже – от стрелы. Досталось. Хочешь обернуться? – вдруг спросил Улеб зверя.

Тот, неловко подогнув передние лапы, склонил голову. Сдавленный стон раздался на той стороне потухшего костра.

– Пойдешь с нами! – решительно сказал Улеб и, набрав полные руки печеного мяса, бросил его зверям. – Ешьте!

– Самим оставь! – не выдержал Якуб. – Позавтракать.

– Оставил, – успокоил Улеб.

– Жизнь прожил, а хорта не видел, – тихо сказал Якуб, наблюдая, как звери жадно подбирают с травы еду. – Слышал только. А тут сразу двое. И как ты, княже, разглядел?

– Когда мы при монастыре жили, пустынный один в пещере обретался неподалеку. Братия его не любила – считала, что с нечистым знается. Он и вправду ведун. Меня учил. К нему отведу, – кивнул Улеб в сторону зверей.

– А почему жил при монастыре?

– Отец в Гомии княжил, умер, когда я отроком был. Стрый приехал, говорит: пустите с братом проститься. Долго просил. Они с отцом при жизни постоянно собачились, не раз ходили с дружинами друг на друга. Говорили бояре матери: не открывай ворота! Поверила она стрью, открыла...

– Выгнал?

– Выгнал. Все имение забрал и еще смеялся вслед. Монастырь нас пригрел – отец при жизни много ему жертвовал. Мнихи учили меня, даже летописи вел. Как шестнадцать сровнялось, поехал в Киев – Гомий тогда в Киевской земле был – просить великого князя вернуть отчину.

– Не вернул?

– Сказал: молод я еще княжить. Сказал: послужи мне! Я и служил. В гриднях, потом в дружине. Даже вирником был.

– Хорошая служба! – причмокнул Якуб. – Приехал за вирой в вервь – ссадная тебе, уехал – стременная. На неделю барана вервь дает или две ногаты серебряных вместо мяса, каждый день – по две курицы. Хлеба и пшена – сколько съешь, да еще ведро пива каждый день. Денег тебе – пятнадцать кун за неделю! Сиди, собирай виру.

– Поди, собери! – возразил Улеб. – Смерды плачут за воротами, бабы их, дети. Не их вина, что мертвого купца на земле верви нашли. Где им сорок гривен взять? Откуда?

– Плетьми постегать – найдут! Плакать они умеют. А у каждого прикопано в кубышке... Смотреть надо, чтобы лихие люди по твоей земле не шастали! А, может, сами того купца прирезали, пограбили, да не вышло – вскрылось дело. Нельзя им верить!

– Не смог я вирником, – вздохнул Улеб. – Князь озлился и скажи: поди от меня!.. Я и пошел. У многих служил. А как услышал, что Гомий опять в северской земле, пришел к Игорю.

– Помог?

– Обещал. Игорь сам беду пережил. Когда отец его умер, двоюродный брат выгнал Игоря из Чернигова. С матерью и братьями. Сказал мне Игорь: вот вернемся из похода...

– Ворочаемся... – вздохнул Якуб.

Оба замолчали, и в наступившей тишине было слышно, как жадно лакают воду в ручье наевшиеся звери.

– Завтра встаем с рассветом, – сказал Якуб. – Сымай, княже, седло с коня и ложись. Я покараулю. Потом Василько.

– Они покараулят! – кивнул Улеб в сторону шедших от ручья зверей. – Лучше тебя. Конного за версту услышат, а то и далее.

– Зря, что ли, мясом кормили?.. – проворчал Якуб, шагая к лошади за седлом...

Глава третья

1

Из вечернего обхода Мумит вернулся уже в сумерках. Маленькая иголочка, знакомо покалывавшая левый висок, даже заставила его взбираться на склон. Это было небезопасно – на склоне его могли заметить, но только сверху можно было целиком рассмотреть поросшее деревьями и кустарником плато, уловить движение врага, пробирающегося сквозь заросли.

Движения не было. Но иголочка не унималась, и, подчиняясь ей, Мумит прочесал дальний край леса. Он доверял своему чувству опасности – никогда не подводило. Однажды они шли вечером по притихшему селу – ночевать, и Мумиту вдруг расхотелось шагать по пустынной улице. Свернул в переулок. Назавтра испуганный хозяин рассказал: на той улице в одном из домов спецназ устроил засаду, в нее угодили двое связников из отряда Абдуллы. В другой раз он вдруг изменил первоначальный план наведаться к схрону ночью, отправился днем. И уже на подходе заметил тоненькую проволочку, натянутую поперек тропы – схрон обнаружили и заминировали. Иголочка трижды помогла ему избежать рейдов спецназа и однажды – воздушной зачистки. Тогда он с группой остался в лесу, передумав спускаться в долину, хотя все было спокойно. Они отдыхали на опушке, как вдруг из-за соседнего склона выскочили два «крокодила» – боевых вертолета Ми-24, и на бреющем полете прошли над их маршрутом. Не задержись они в лесу – хватило бы одного залпа...

Все было, как и вчера, и Мумит устало пошел к пещере. Иголочка в левом виске не унималась. «Мы здесь слишком долго, – понял он, – целых семь дней. Надо уходить. Завтра же. С рассветом».

Решение было принято, и Мумит успокоился. И уже улыбкой встретил двух волков, сидевших у входа в расщелину. При виде его они встали, будто бы ждали.

– Хотели в пещеру заходить, – сердито сказал стоявший на посту Ахмад. – Я прогнал.

– Пусть идут, – разрешил Мумит, – они ручные, не кусаются.

Звери, словно поняв, затрусили за Мумитом. В пещере их появление встретили смехом.

– Командир волков на службу взял! – оскалился Юсеф. – Какие воины, а? Оружия только нет. Может, дать?

– Куда они его повесят? Между ног? – заулыбался Алу.

– Свой ремень с кобурой отдашь! – смеялся Азад. – Тебе все равно не на чем его застегивать – одни кости...

Мумит смеялся вместе со всеми. Он был рад этому приступу веселья. Неделя в пещере в постоянной настороженности выматывает больше, чем беганье по горам. Пусть...

Волки, ничуть не обращая внимания на веселящихся людей, затрусили вдоль стены и улеглись в дальнем углу. Уложили головы на лапы.

– Сначала один пришел – на разведку, – не унимался Юсеф. – Затем женщину свою привел.

– Какая женщина? – возразил остроглазый Азад. – Оба мужики!

– Значит, у него женщина такая, – улыбнулся Алу. – Давно по горам ходят. Совсем как мы...

Захохотали все.

– Зачем они пришли, командир? – тихо спросил Юсеф, когда смех утих. – Может, буря завтра? Прячутся?

– Жилье занимают, – спокойно отозвался Мумит. – Освобождается – на рассвете уходим.

Моджахеды замолчали и переглянулись. Затем, не сговариваясь, встали и разошлись по местам. Завтра предстоит долго и далеко идти. Надо хорошо отдохнуть. Мумит улыбнулся про себя: понимают с полуслова...

* * *

Владелец столичного ресторана «Кавказский стол» с любопытством разглядывал посетителя – за него попросили уважаемые люди. Гостю на вид было лет тридцать – тридцать пять, среднего роста, худощавый. На выдубленном солнцем смуглом лице ярко выделялись глаза: серо-стальные, как клинок дедовского кинжала. Незнакомец спокойно позволил себя рассмотреть, и в его ответном взгляде владелец уловил насмешку. Обиделся.

– Что нужно? – спросил грубо, нарушая обычай.

– Хочу работать официантом.

Незнакомец говорил тихо и почти без акцента, но слова произносил твердо, как приказ.

– У меня полно официантов!

– Но я буду работать бесплатно.

Владелец «Кавказского стола» смотрел с любопытством. Гость по-своему понял его взгляд.

– Чаевые тоже буду отдавать вам. До копейки. Каждый день.

Владелец указал на кресло напротив. Гость сел.

– Как зовут?

– Валид, но можно Валерой, – гость достал из кармана документы и положил на стол. – Паспорт в порядке, регистрация есть.

– Меня тоже все зовут Захаром, – буркнул владелец, листая документ. – А на самом деле я Заза.

Валера вежливо улыбнулся.

– Зачем тебе бесплатно работать? – спросил Заза, возвращая паспорт. – Только не ври.

– Хочу открыть ресторан в Баку. Решил изучить дело. Друзья сказали, что ваш «Кавказский стол» – лучший в Москве. Хорошие повара у меня есть, а с официантами – беда. Буду сам учить.

– Хорошо, что не соврал, – удовлетворенно кивнул Заза. – Договорились. Только помни: каждый день...

Через месяц он вызвал метрдотеля.

– Дело освоил мгновенно, – доложил тот. – Даже удивительно: других месяцами учить надо. А этот... Ни разу не перепутал рыбный нож с десертным.

– Джигит ножи не путает, – хмыкнул Заза.

– Есть еще вилки, ложечки... Работает без лишних слов и очень любит порядок. Когда на кухне потек кран, починил его сам, хотя никто не просил. Починил печь для выпечки. Он инженер по образованию, я узнал.

– Значит, все хорошо?

Метрдотель замялся.

– Говори! – приказал Заза.

– Люди его боятся.

– Угрожает?

– Нет. Но глаз у него нехороший. Тяжелый. Не всем клиентам нравится... Думаю, лучше использовать на выездных банкетах. Наши их не любят. Сами знаете: чаевых может не быть никаких, а вот в морду получить – запросто. Там заказчик у себя дома. А этот сам просится...

– Пусть работает на выездных, – согласился Заза. – И передай ему: не надо больше заходить ко мне каждый день...

* * *

По возвращении из-за границы Мумит самолеты больше не сбивал – русские сделали выводы из потери двух штурмовиков. Но их транспортные вертолеты ползали вокруг гор, словно сытые коровы, и группа Мумита за год сожгла четыре машины, под завязку набитые русскими солдатами. Группа уничтожила также три дорожных конвоя, причем один шел в сопровождении бронетранспортеров. Их и взорвали мощными фугасами, а затем запертую между двумя горящими бронированными машинами колонну расстреляли из гранатометов и автоматов. Раненых не добивали – русские огрызались отчаянно, а у Мумита было всего четверо моджахедов. Пришлось уйти. Но шуму все равно было много, и люди Мумита много смеялись, когда вечером по телевизору слышали, что на колонну напала спустившаяся с гор многочисленная банда.

Он всегда тщательно планировал операцию, не жалея времени и денег на разведку. Старательно инструктировал моджахедов, не ленись дотошно отрепетировать с ними на месте, что и как нужно делать. Поэтому за два года не потерял ни одного человека. Всегда щедро платил, даже за ночлег. По этой причине желающих служить под его началом были сотни, но в группу он не брал никого – ходил только с теми, с кем вернулся из-за границы. Зато в каждом селе у него были глаза и уши, а также руки, готовые на время взять автомат или гранатомет. При нужде он мог за день набрать отряд в сотню моджахедов, но нужды такой не случалось. «Шабашников», как называли его моджахеды временных бойцов, Мумит привлекал ровно столько, сколько требовалось.

Операции он проводил только против русских – своих, перешедших на службу к федералам, не трогал. Хасан требовал этого, но Мумит стоял на своем. В маленькой горной стране, с ее вековыми традициями кровной мести и прихотливо переплетенными родственными узами, напасть на земляков означало сделать себя волком, окруженным флажками – рано или поздно выbredешь под выстрел. Многие из тех, которые стали убивать «предателей», и выбрали – горцы, получив от русских военную форму и оружие, первым делом занялись поиском кровников. Охотники знали свою страну и народ, обидчиков находили быстро и стреляли метко.

Мумита не искали. О нем даже почти не знали. По стране бродили смутные слухи о каком-то неуловимом герое-мстителе, который всегда побеждает кафи́ров, но русские относились к этим слухам как к легендам. Толстые русские генералы не могли поверить, что какой-то горец с горсткой бойцов может наносить столь чувствительные удары регулярной армии, поэтому считали слухи пропагандой врага. Мумиту это было на руку. Его даже не искали за сбитые самолеты: брат, когда к нему пришли, старательно повторил легенду о гибели Карима. Мумита долго не было в стране, никто его не видел, поэтому русские поверили. Как-то Мумит по своему старому паспорту проехал через всю республику, его документы проверили, на верное, раз десять. И никто не заинтересовался.

– Почему ты не используешь смертниц? – спросил его Хасан, когда Мумит в очередной раз приехал за деньгами. – Все так делают.

– У меня хватает мужчин, – хмуро ответил Мумит.

– Смертницы убивают много русских, – продолжил Хасан. – Об этих взрывах говорят на всех телеканалах. А твои операции русские замалчивают. Военная цензура.

– Смертницы взрывают мирных людей, – не согласился Мумит. – А мою жену и детей разбомбили военные. Я буду убивать их, даже если об этом будут молчать все телеканалы. Ты можешь не давать мне денег, если тебе не нравится.

Хасан нахмурился, но денег дал. И когда Мумит приехал снова, дал еще.

Мумит не стал ему рассказывать о Зайнаб. Впервые он увидел ее через полгода после возвращения на родину. Зайнаб было двадцать, но она уже год вдовствовала – мужа убили

русские. Зайнаб сама предложила ему помощь, и Мумит после недолгого раздумья согласился. Она стала связником, в ее доме группа время от времени отдыхала, спускаясь с гор. Во время одной такой ночевки Зайнаб сама пришла к нему и после этого уже оставалась постоянно. Зайнаб оказалась необычайно страстной, ее горячие ласки так изводили Мумита, что наутро он чувствовал себя вконец разбитым, негодным ни к чему. Это пугало его, но спустя день-другой, в горах, он уже с тоской вспоминал ее нежную кожу, маленькую, упругую грудь, сухой жар ласковых губ. Так продолжалось около года.

– Ты не устал прятаться от русских? – спросила его однажды Зайнаб, когда они, обессиленные, лежали рядом.

– Нет! – удивился он. – Почему спрашиваешь?

– Сколько ты убил русских? – не отставала Зайнаб. – Сто? Двести? Триста? Ты отомстил за своих сто раз! Никто никогда не упрекнет тебя, если перестанешь. Зачем тебе еще смерти?

– Я хочу, чтобы они ушли с нашей земли, – нахмурился Мумит.

– Они не уйдут, и ты это знаешь. Русские укореняются здесь все прочнее. Они покупают наших пенсиями и компенсациями, они обещают мир и работу. Люди устали от войны и соглашаются. Моджахеды продают. Абдуллу убили, Ахмада убили, Рамзана убили... Рано или поздно кто-нибудь продаст и тебя. Тебя тоже убьют или, что хуже, посадят на всю жизнь за решетку. И ты будешь умирать там медленно, в тоске, зная, что никогда не увидишь гор и солнца над ними.

– Чего хочешь? – спросил Мумит.

– Уехать с тобой. Далеко. У тебя ведь есть деньги, а если и нет, то мы – молодые, здоровые – заработаем. Я хочу, чтобы у меня была семья, дети. И чтобы ты был со мной. Разве мы не заслужили счастья?

Мумит промолчал. Утром они ушли и больше в дом Зейнаб не возвращались. Ночевали у других.

Три месяца спустя, недалеко от Моздока, к автобусу, притормозившему у остановки, подошла женщина в белом нарядном платке. Заглянула в окна. Воентехники в фуражках и штатские служащие военного аэродрома с недоумением наблюдали за ней. Первым сообразил водитель – захлопнул перед незнакомкой дверь. Та отступила и, улыбнувшись, сделала еле уловимое движение рукой...

Мумит не видел по телевизору сюжет о взорванном автобусе – был в горах. А когда через неделю спустился в село, ему передали запечатанный конверт.

«Карим, любимый, – было выведено ровным женским почерком на вырванном из ученической тетрадки листке, – я молила и сейчас молю Аллаха, чтобы мы встретились с тобой в раю. Мне сказали, что это обязательно случится, если мы погибнем, убивая неверных. Я иду в рай счастливая и буду ждать тебя там. Я молю Аллаха, чтобы ждать было недолго...»

Этой ночью Мумит, запершись в комнате, долго сидел у окна, невидящим взглядом глядя в темное стекло. Зайнаб впервые за все время их знакомства назвала его прежним именем. И цель выбрала, думая сделать ему приятное хотя бы напоследок... Он не плакал – разучился. Но сухой шершавый комочек долго ворочался в горле.

Зайнаб была права: за смерть жены и детей он отомстил стократно. Но остановиться не мог. Если он не верил в Аллаха, милостивого и милосердного, то Юсеф и все остальные верили. Хотя они беспрекословно подчинялись ему, гордились им (Мумит не раз слышал, как его моджахеды хвалились перед другими своим командиром, называя его Масудом – удачливым), но стоило Мумиту сделать что-то не так... Из жизни, в которую он вступил, сбив два штурмовика, выхода было два. Первый: в рай к Зайнаб. Мумит не верил в рай, поэтому оставался второй – под белой буркой на родовое кладбище. Это если твой труп не достанется русским...

Когда он в очередной раз приехал к Хасану, они говорили долго.

– Я часто вспоминаю командира школы, который хотел расстрелять тебя, – сказал ему Хасан. – Он не ошибался. Мне все труднее с тобой. Ты отказываешься использовать смертниц, хотя с ними работают все, не хочешь проводить диверсии в городах кафилов. С твоим умением планировать операции ты мог бы достичь успеха даже без смертниц. Но ты не хочешь. Почему?

– Горцы не воют с женщинами и детьми, – устало ответил Мумит. – Это позор.

– А как другие воют?

Мумит промолчал.

– Кафиры пришли на твою землю, они убили твоих детей, а ты боишься отплатить им тем же?! – раздраженно воскликнул Хасан.

– Есть только один человек, чьих детей я убил бы, – тихо сказал Мумит после долгого молчания. – Того, кто отдал приказ бомбить мою страну. Того, кто командует всеми русскими. Его самого я убить не смогу – хорошо охраняют. А вот детей можно попробовать.

– Так убей!

Мумит замолчал. Затем поднял глаза на Хасана, и тот невольно поежился, увидев в их серо-стальном блеске ответ.

– Ты и твои люди должны мне помочь...

* * *

Майским вечером фургончик с витиеватой надписью «Кавказский стол» и красочным рисунком румяного шашлыка на шампуре притормозил у подъезда обычного жилого дома. Из стоявшего неподалеку черного джипа тут же вышли двое плечистых мужчин в одинаковых черных костюмах, подошли.

– Документы! – строго потребовал один.

Водитель и пассажир, худощавый мужчина лет тридцати во фраке с галстуком-бабочкой, послушно протянули паспорта.

– Вдвоем будете работать? – спросил человек в черном костюме, внимательно разглядывая людей в салоне.

– Я один, – торопливо пояснил худощавый. – Он, – кивнул в сторону водителя, – только поможет занести коробки.

Человек в черном стал листать странички паспортов, скривился:

– Валид Валид-оглы... Русского официанта не нашлось?

– Ресторан называется «Кавказский стол»...

На площадке третьего этажа гостей встретили еще двое. Молча проверили документы, коробки, затем, не спеша, обыскали.

– Что это? – спросил один из охранников, доставая из коробки несколько маленьких бутылочек.

– Уксус, вытяжки перца, кориандра... Приправы, – спокойно ответил Валид. – Пробовать будете?

Охранник свернул пробку одной из бутылочек, понюхал. Скривился.

– Кто будет работать с гостями? – спросил.

– Я.

– Каждый час будешь выходить на площадку, – не терпящим возражения тоном сказал охранник. – Мы осторожно заглянем, потом можешь продолжать. Все ясно?..

Ровно через час Валид выглянул на площадку. Охранник скользнул мимо него в квартиру и почти сразу вернулся.

– Когда будешь горячее подавать? – спросил заинтересованно.

– Уже разогревается.

– То-то пахнет вкусно, – вздохнул охранник. – Ладно, в следующий раз – через полтора часа...

Но прошло только двадцать минут, когда Валид заглянул в зал, где стоял праздничный стол. Именинница, девочка лет шестнадцати, ее родители и гости сидели вокруг него неподвижно: кто – уронив голову меж тарелок, кто – склонив ее на плечо соседа. Валид осторожно вытащил из-за стола худенькую девушку в брючном костюмчике, отнес ее в спальню. Сорвав покрывало с кровати, стащил простыни, разорвал и сделал длинную веревку. Обвязал ею девушку под мышки, вытащил в лоджию. Там открыл окно и негромко свистнул.

Снизу, из темноты, послышался такой же свист. Валид перекинул бесчувственное тело через парапет лоджии и быстро спустил его вниз. Скоро самодельная веревка дернулась – тело отвязали, и Валид, приладив край разорванной простыни к ручке рамы, перелез через парапет...

Час спустя он уже трясся вместе с еще не пришедшей в себя девушкой в кузове грузовика, надежно укрытый от посторонних взглядов рядами коробок с телевизорами. Благополучно вырвавшись за пределы столицы, грузовик мчал на юг...

2

Этой ночью Мумит долго не мог уснуть. Иголочка ощутимо покалывала висок, и он, пытаясь обнаружить просчет, вновь и вновь перебирал в уме события последних дней.

По спутниковому телефону он вышел на связь только раз – в первый день. После того, как Юсеф отрезал девчонке палец, он переслал по телефону видеозапись. На передачу ушло несколько минут. Это было небезопасно, но необходимо.

– Нельзя просто убить девчонку, – сказал ему Хасан, когда он приехал с планом операции. – Ее отцу будет сочувствовать весь мир. В своей стране он вообще станет героем, пострадавшим за родину. Надо, чтобы за девчонку заплатили. Много. Миллионов пятьдесят, не меньше. Тогда каждая русская мать, чей сын погиб на этой войне, ее родственники и другие люди поймут: жизни их детей не стоят ничего. А вот жизнь дочки президента...

– Так мы ее вернем? – удивился Мумит.

– Не обязательно. Но надо, чтобы она оставалась в живых хотя бы неделю. Они наверняка захотят удостовериться в этом, потребуют, чтобы она сказала несколько слов по телефону. Мы на это пойдем. О похищении сразу объявлять не будем, сообщение пошлем только на адрес Кремля. О видеозаписи умолчим. Пусть думают, что нам нужны деньги. А когда они их перечислят, мы расскажем все. Мир узнает, что из-за отцовских чувств он готов финансировать войну против своей страны. После того, как получим деньги, можешь делать с девчонкой, что хочешь. Например, взять в жены, – хохотнул Хасан и тут же подавился смехом, встретив взгляд Мумита.

– А если откажутся платить? – хмуро спросил Мумит.

– Не откажутся. Они будут до последнего стараться избежать позора, найти ее самостоятельно, пока не поймут: деньги – единственный выход. Пятьдесят миллионов – это много для одного человека, но для большой страны – мелочь. К тому же всегда можно объявить, что похищение – выдумки террористов. Вот тогда мы и покажем твою запись, выписку с банковского счета. Я знаю, ты очень хотел видеть ее мертвой, но ради нашего общего дела потерпи...

Они договорились, что каждый день в условленное время он на полчаса будет включать сотовый телефон – ждать звонка. Для этого у Мумита было приготовлено семь разных трубок и семь сим-карт, оформленных на посторонних людей – вычислить невозможно.

...Хасан позвонил два дня назад. Снова попросил потерпеть – вестей не было.

– Они не хотят даже слышать ее голос? – удивился Мумит.

– Нет, – коротко ответил Хасан. – Видимо, понимают, что это могут быть последние слова. Тянут время. Я предупредил их. Если не свяжутся, через трое суток уходи. Что делать с девчонкой, решай сам, хотя я хотел бы, чтобы она пожила...

Эту операцию Мумит планировал, как ни одну другую. Самым тяжелым было собрать сведения о семье президента – на это ушло много времени и очень много денег. Но все равно в распоряжении Мумита оказались крохи. Он долго изучал эти крупинки, пока не зацепился... Лучшая школьная подруга в прошлом, девочки крепко дружат, дочка президента каждый раз бывает у нее на дне рождения. Родители подруги, хоть и небогатые, но, не желая ударить лицом в грязь, заказывают выездной банкет в ресторане «Кавказский стол»...

Когда грузовик увозил их от Москвы, внутри Мумита все пенилось от восторга. Но пена осела быстро. Его лучшая операция оказалась и самой трудной. Он не представлял раньше, как тяжело будет ему видеть девчонку рядом каждый день. Да еще такую строптивую...

«Завтра уьем, – твердо решил Мумит. – Оставлять живой опасно: могут отбить по пути. Скажу Юсефу, перережет горло – и все!». Он немного подумал и поправился: «Не будем резать. Пуля в затылок – и понять ничего не успеет!»

Странно, но ему не стало легче. И иголочка в левом виске не унялась. Тогда он применил испытанное: продел руки в лямки и сел, опершись спиной на рюкзак. Теперь он был в полной готовности – только вскочить и убежать. Иголочка затихла...

* * *

Когда в пещере уснули все, один из волков неслышно встал и пошел к выходу.

– Э-э, ты куда? – всполошился часовой, когда волк серой тенью скользнул мимо.

Волк не остановился, и охранник поднес к глазам бинокль. В зеленоватом свечении прибора ночного видения было видно, как волк спустился по склону и шмыгнул в заросли. Пропал.

«Ходят взад-вперед! – недовольно подумал часовой, опуская бинокль. – Зачем ему ночью?»

Волк вернулся спустя полчаса, подошел тихо и снова быстро проскользнул мимо часового.

– Куда?! Что понес? – заворчал тот, заметив, что зверь что-то держит в пасти. Но тут же успокоился. Что может нести в зубах волк? Мышь или какую другую зверюшку. Кушать всем надо.

Волк же, неслышно ступая по каменному полу пещеры, прокрался к спящей в углу девочке и осторожно коснулся холодным носом ее сжатого кулака. Кулак разжался, открыв узкую худенькую ладошку, и в ней тут же оказалась маленькая круглая коробочка. Мокрая от волчьей слюны.

Девочка зашевелилась и села. Недоуменно покрутила внезапно оказавшийся в ее руке предмет и, ощутив знакомые формы, раскрыла. Холодным синим светом вспыхнул квадратный экран сотового телефона. Черные буквы на цветном фоне были видны ясно и отчетливо.

«Иди за волком, – прочла девочка, – это друг. Не бойся ничего – тебя ждут».

Девочка закрыла телефон и спрятала в карман пиджака. Нашупала в темноте мохнатую шею дышавшего рядом волка.

– Веди, волчок! – шепнула чуть слышно.

Тот тихонько двинулся вперед. Девочка ползла рядом на четвереньках, неловко перебирая скованными ногами. Получалось слишком медленно. Внезапно слева она услышала еще дыхание, кто-то лизнул ее в щеку. Догадавшись, она обхватила шею второго волка левой рукой, и звери потащили ее. Скоро впереди замерцала тусклым лунным светом знакомая узкая щель. Перед ней волки остановились и высвободились из ее рук. Один ощутимо поддал ей мордой сзади: «Иди!».

Девочка встала и, перебирая скованными ногами, как утка лапками, подошла к щели и выглянула наружу. В то же мгновение большая черная тень метнулась к ней справа и схватила. Девочка сдавленно вскрикнула.

– Тихо! – услышала она горячий шепот, и в то же мгновение сильная рука обняла ее. Она почувствовала, как тело ее охватили ремни, щелкнул замок альпинистского карабина, и двое сцепленных людей заскользили вниз по веревке – быстро и плавно...

* * *

Мумит проснулся от странного шороха – неподалеку словно что-то волочили по камню. Тренированным движением он выхватил из кобуры тяжелый пистолет, сдвинул флажок предохранителя и прислушался. Шорох исчез, но на смену ему пришел другой звук – будто кто-то очень легкий еле слышно топтался на месте. Мумит нашарил в разгрузке фонарик, нажал на кнопку. Узкий луч упал в угол, где спала заложница – он был пуст.

Мумит вскочил и зашарил лучом по пещере. Заметил у щели узкую тень – девчонка пролезала наружу.

Он успел расслышать ее сдавленный крик и тут же рванулся к щели. Но, не добежав, упал – что-то мягкое и большое метнулось ему под ноги. Он быстро вскочил, но тут же острая боль пронзила его правое запястье – Мумит вскрикнул и выпустил пистолет. Фонарик в руке остался, и луч выхватил из темноты оскаленную пасть волка. Мумит посветил на саднящую руку – из прокушенного запястья капала кровь.

– Тварь!

Ответом ему было рычание. Второй волк возник рядом с первым, и оба, оскалясь, преграждали ему дорогу к щели.

Раненая рука хоть и болела, но подчинялась, и Мумит нашарил в боковом кармане разгрузки «макаров». Уперся рукояткой пистолета в живот и резким движением загнал ствол в патронник. Услышав щелчок затвора, волки брызнули в сторону. Мумит несколько раз выстрелил в темноту, стараясь поймать зверей в луч фонаря и, видимо, попал – из темноты раздался визг.

Разбуженные выстрелами, моджахеды вскакивали на ноги, лучи фонарей полосовали темное пространство пещеры.

– Отрезай им дорогу к выходу! – закричал Мумит, опасаясь, что моджахеды в суматохе начнут стрелять в него. – Не выпускать волков!

Но стрелять стали не моджахеды. Со стороны входа раздалась характерные глухие щелчки спецназовского автомата, и потолок над Мумитом брызнул каменными осколками.

«Азад накрылся – сняли часового, – понял он, падая на пол, – а нас сейчас, как лис в норе...»

– Ахмад! – закричал. – Бей по входу!

Ахмад уже сам сообразил – вспышки на конце ствола тяжелого пулемета озарили пространство пещеры. Рой тяжелых свинцовых ос ударил в светлый овал входа, сметая все на своем пути. В мерцающих отблесках выстрелов Мумит увидел, как заметались по пещере звери, затем, один за другим, порскнули в дальний, таинственный ход.

– Не уйдете!

Мумит вскочил и ринулся следом. Уже подбегая, краем глаза увидел, как со стороны входа в пещеру влетели два небольших черных мячика. Подпрыгивая на каменном полу, они подкатились к сложенным у стены рюкзакам.

«Там же взрывчатка!» – вспомнил Мумит и инстинктивно бросился в ход, где исчезли волки. Он успел пробежать по нему совсем немного. Сзади сверкнуло, тугая волна горячего

воздуха со страшной силой ударила Мумита в спину. Он упал, и последнее, что услышал перед тем, как потерять сознание, был грохот падающих позади камней...

Глава четвертая

Вертлявый раб с клеймом на смуглом лбу наполнил чаши кумысом и скользнул за полог шатра. Присел снаружи, подсматривая в щелочку – чтобы не пропустить момент, когда снова понадобится. С другой стороны полога тихо сопел и подсматривал дюжий нукер с обнаженной саблей в руке – тоже в готовности. В шатре остались двое. Один – скуластый, жилистый, с наголо обритой головой – по-хозяйски развалился на шелковых подушках. Перед ним на шелковой скатерти дымилось горячее мясо в серебряных блюдах. Но скуластый не ел. Весело поглядывал на сидевшего напротив князя Игоря маленькими темными глазами. Тот неловко ерзал на подушках, усаживаясь, сразу было видно – не привык.

– Как рука? – спросил скуластый по-русски, медленно, но правильно выговаривая слова.

– Зажила, – односложно отозвался Игорь.

– Ястреба удержит?

– Не пробовал.

– Так пробуй, конязь! – засмеялся смуглый. – Я дал тебе двадцать лучших воинов в услужение – прикажи им! Есть кони, есть слуги, есть ястребы, что еще надо? Мужчина не должен сидеть в шатре, как женщина, мужчина должен охотиться. Война и охота – чем еще заняться князю?

– Я в полоне.

– Ты в гостях! – весело возразил скуластый. – У меня. В полон тебя взял Чилбук, а я забрал у Чилбука, хотя он упирался. Я дал за тебя пятьдесят молодых кобылиц, а он просил сто. Дал бы больше, если б Чилбук настоял. Я не могу позволить, чтобы мой будущий сват Игорь жил в захудалой орде.

– Ты очень добр, хан Кончак, – со странной интонацией в голосе сказал Игорь.

В ответ Кончак захохотал, хлопая себя ладонями по бедрам.

– Добрый, – проговорил он сквозь смех, – добрый... Ты первый русский, который сказал так. Один ваш монах, которого мои воины поймали под Переяславлем, назвал меня богостудным и окаянным. Ни я, ни мой толмач не поняли, что это означает, и попросили объяснить. Он долго говорил. Затем призвал на мою голову все кары вашего бога, если я посмею тронуть хоть одного монаха.

– Что ты ему ответил?

– Я велел посадить его на кол, чтобы кары бога обрушились у него на глазах. Я долго ждал – пока монах не умер. Потом сжег монастырь. Ничего не обрушилось. Я не стал бы его трогать, если бы он молчал. И монастырь, в котором мои воины не нашли даже еды.

Игорь промолчал.

– Ешь, конязь! – сделал приглашающий жест хан. – Барашек молодой, жирный. Пей кумыс! Тебе надо много есть и пить, чтобы сил было много. Кумыс дает силу, мясо дает силу. Вы, русские, едите много хлеба и мало мяса. И совсем не пьете кумыс. Откуда взять силу? Каждый мой воин может скакать на коне без отдыха три дня и три ночи. Твой может?

– Сможет.

– В прошлом году мы ходили на Русь и спокойно ушли в степь. В этом году ходили – и тоже ушли. Русские нас не догнали.

– Талая стопа... Распутица.

– Талая стопа была и для нас.

– У каждого твоего воина по два коня. Или даже по три.

– Купи у меня коней, и у твоих воинов будет столько. У меня много коней. Но ты хотел забрать их даром.

– Я не за ними шел в Поле.

- Тогда зачем?
- Ты каждый год приходишь на Русь. Твои воины сжигают наши веси, убивают и уводят в полон русских людей.
- Я приходил в твои земли?
- Ты – нет.
- Тогда почему ты пришел в мои?
- Я пришел в Поле. Твои орды не приходят в мои земли, но приходят орды других ханов.
- Я не могу отвечать за других ханов. Ты ведь не отвечаешь за то, что сделает Владимир Переяславльский, Святослав Киевский или Ярослав Черниговский? Почему я должен отвечать за орды Кзы?
- Владимир сидит в Переяславле, Святослав – в Киеве, Ярослав – в Чернигове. Их можно найти в их городах и на их землях. А где твои земли, хан? Половцы приходят из Поля и уходят в Поле. Поэтому и мы пошли в Поле.
- Но это мое Поле.
- Оно не всегда было твоим. Еще мой дед княжил в Тмутаракани.
- Ты хотел отвоевать Тмутаракань? – Кончак захохотал. – Даже если бы ты пришел сюда вместе со Святославом... Тмутаракань вы, может, и взяли бы, но никто из русских не вернулся бы домой. Ты хоть представляешь, конязь, сколько у меня воинов? Сколько орд кочует к югу от Донца? Если каждый выпустит только по одной стреле, из-за них не будет видно солнца! И твои полки накроет тьма.
- Я это видел.
- Ты видел небольшие орды, собранные для набега на Русь. Мы брали одного из десяти – у кого хорошее оружие и хорошие кони. К Тмутаракани привели бы всех.
- Значит, ты собирался идти на Русь? И в мои земли тоже?
- В твои земли я не хожу, – хитровато улыбнулся Кончак. – Ты знаешь.
- Пришел бы Кза. Какая мне разница? Опять бы веси пожгли, людей ополонили.
- Мы можем и не ходить на Русь. Вот! – Кончак достал из кошелька на поясе серебряную монету. – Это дирхам, который вы, русские, называете куной. Если разрезать его пополам, будет, по-вашему, резана, резану пополам – белка. По одной белке со двора, и мы не выйдем из Поля.
- Русь никогда и никому не платила дани.
- Все народы, живущие вокруг Поля, платят. Ваши приграничные города уже платят. У меня, конязь, много молодых, горячих воинов, которые хотят жить в красивом шатре, носить красивую одежду, иметь хорошее оружие, дарить женам украшения. Для этого нужно серебро, много серебра. Где взять?
- У вас много скота.
- За него плохо платят. Особенно вы, русские.
- У нас мало денег, хан. Пока половцы не перекрыли наши торговые пути, купцы привозили в Русь много серебра с востока. Теперь вы не пускаете русских купцов через свои земли, и у нас нет серебра, чтобы купить ваших коней и другой скот.
- Вы можете взять серебро на западе. У ляхов, немцев, угров...
- Путь к ним лежит через много земель, где каждый князь берет за проезд мыт. Поэтому купцов на запад ездит мало.
- Вы, русские, любите притворяться бедными. У нас любой, у кого только конь и двадцать баранов, ходит как хан. И очень обидится, если ему сказать, что он не может купить табун кобылиц. Вы жалуетесь, что нет денег, а ваши дружинники ходят в дорогой броне, носят шелковые рубахи и порты, а на пальцах – золотые перстни. Вы всегда выкупаете ваших пленников. За простого воина даете по гривне, хотя цена ему – пять дирхамов. По белке со двора – это небольшая плата, конязь.

– Поэтому мы и отказываемся от нее. Мы соберем серебро для тебя, хан, но твоим молодым, горячим не достанется ничего или достанется мало. И они пойдут на Русь, чтобы добыть больше.

– Конечно, пойдут, – ухмыльнулся Кончак. – Молодым всегда нужно много. Они горячи и нетерпеливы, не умеют ждать. Но вы с ними справитесь. Важно, что я не пойду, Кза не пойдет.

– С вами мы тоже справимся. Всегда справлялись.

– Ты говоришь так, конязь, будто мы сидим у тебя дома, а не в моем шатре.

Игорь замолчал. Кончак взял с блюда баранью ногу, неспеша стал сдирать зубами с кости горячее мясо. Закончив, сыто рыгнул и бросил голую кость к входу. Раб суетливо выглянул из-за полога, прибрал.

– Вот так мы обглодаем Русь, конязь. Кза сказал мне: «Идем в земли Игоря. Войска там нет, нам готовый полон приготовлен – только забрать».

Игорь потемнел лицом.

– Ты нам очень помог, конязь, – весело сказал Кончак, прихлебывая кумыс. – Твои воины сами принесли нам броню, мечи, копья. Оружие стоит дорого, и теперь мы сможем взять в поход еще пять тысяч всадников.

– Пойдешь в мои земли?

– Я – нет, – откинулся на подушки Кончак, – а вот Кза пойдет.

– Вам мало выкупа?

– Выкуп когда еще будет, – засмеялся Кончак. – А воины уже собраны и нетерпеливо ждут. Молодые, горячие... Я не могу обмануть их – в следующий раз не захотят идти. Ты сам не раз собирал войско, конязь, знаешь, как это бывает. Мне говорили, что тебе не помешало даже затмение солнца – повел полки в Поле. Я тебя понимаю. Когда за твоей спиной тысячи нетерпеливых воинов, поворачивать назад нельзя. Лучше проиграть битву, но не возвращаться с полпути.

В шатре опять стало тихо. Кончак взял с блюда вторую ногу.

– Какой выкуп назначили? – спросил Игорь.

– Две тысячи гривен за тебя, по тысяче за других князей, двести – за воеводу, по сто – боярина...

– Две тысячи?! Столько мои земли не дают даже за год!

– Ты ведь не один год княжишь.

– Столько все равно не собрать.

– Соберут. Вы, русские, всегда собираете выкуп.

– Но не такой большой!

– Продадите свои шелковые рубахи и золотые перстни. Русские женщины любят носить золото и драгоценные камни. Если хотят увидеть живыми своих мужей и сыновей...

– Не хватит, даже если продать все.

– Святослав киевский заплатит. Ты ведь посадил его на киевский стол?

– За меня, может, и заплатит. Но за остальных...

– Мы не отпустим тебя, пока не заплатят за остальных князей. Кза так просил, и я согласился. Ты один, по моему разумению, стоишь всех остальных, но мы решили не обижать твоего брата и сыновей низкой ценой, – улыбнулся Кончак. – Так что две тысячи за тебя и по тысяче за остальных. Бояре и дружинники – отдельно...

– Столько не собрать в русской земле.

– Я говорил, что вы любите притворяться бедными. Сколько городов в твоих землях, конязь? Восемнадцать?

– Пятьдесят.

– Что стоит городу собрать по сорок гривен для любимого князя?

– Им же выкупать своих. Бояр, дружинников...

– Значит, соберут по сто.

– Вы пойдете в набег, ограбите...

– Соберем полон по весям. Города останутся. Мои воины не умеют влезать на высокие стены, ты знаешь. Хотя Кза хвастался: какой-то басурманин строит ему осадную машину. Даже просил подождать с набегом, пока тот закончит.

– В прошлом году вы приходили с машиной, что стреляла большими шереширами – пятьдесят человек натягивали тетиву. И басурманин при ней был. Машину воевода Роман сжег, а что он сделал с басурманином, не знаю. Наверное, посадил на кол. Не забудь сказать это Кзе.

– Я говорил, но он все равно похваляется. Пусть. Рано или поздно мы научимся брать ваши города. Тогда вам придется давать не по белке – по резане со двора. А может, и по куне.

– Не будет этого, хан.

– Будет, конязь. Наши орды множатся год от года, и нам тесно в Поле. При каждом набеге на Русь я теряю тысячи воинов, но на следующий год под бунчуки встает вдвое больше. Нам не хватает хорошего оружия, но когда вы заплатите выкуп, мы купим много мечей и копий. Тогда вам не устоять.

– Справимся.

– Нет.

– И вы будете жить на наших землях?

– Нам не нужны ваши земли. Там много лесов, а мои степняки не любят леса. Степняки не умеют и не любят пахать землю, а нашим лошадям нужен овес. На русских землях будут жить русские. И платить нам дань.

– Они разбегутся по лесам. Им не понравятся твои ханы.

– Над русскими будут русские князья. От них не побегут. А если побегут, вы сыщете и накажете.

– А если не захотим?

– Захотите. Если русский князь будет обязан мне своим уделом...

Игорь засмеялся. Кончак терпеливо ждал.

– Ты хочешь сажать на стол русских князей? – насмешливо спросил Игорь, успокоившись. – Да они восстанут на тебя, как один!

– А разве мы не сажаем уже? – спокойно возразил Кончак. – Твой дед Олег с нашей помощью отвоевал свои уделы. Потом долго дружил с моим дедом – даже сына, твоего отца, женил на моей тетке. Если бы она не умерла так рано, ты мог быть моим братом. Ярослав Черниговский дал тебе в поход своих ковуев, но дружинников оставил при себе. И никогда не пошлет их против меня – помнит, кто ему помогал. А когда нужно было посадить на киевский стол Святослава, разве ты не позвал меня?

– Нас разбили.

– Но Святослав въехал в Киев. Ростиславичи не решились на вторую такую сечу. Вы, русские, воюете между собой больше, чем с нами. И с каждым годом будете воевать все больше. У князей много детей, на всех сыновей уделов не хватает, а наделять надо. Поэтому брат идет на брата, а сын на отца. Стоит князю умереть при малых детях, как приходит родственник и выгоняет осиротевшую семью из города. Разве не так?

Игорь молчал.

– Скоро ни один русский князь не сможет отвоевать свой удел или защитить его от жадных родственников без нашей помощи. Сначала в Черниговской и Киевской земле. Затем – во всей Руси. Я, может, не доживу до того дня, когда вся Русь будет платить нам дань, но мой сын доживет.

– Я в это не верю.

– Поверишь, конязь. Вам не справиться с нами. У вас сын восстает против отца, а в Поле это немыслимо. Если наш человек обидит старика, ему сломают спину перед всей ордой.

Пока жив старший брат, младший не посмеет сказать против него плохое слово – убьют свои же воины. После смерти хана его имущество и власть наследует старший сын. Если нет сына, приходит брат. Но он богато наделяет вдову и дочерей, чтобы никто не сказал, что он обидел родственников.

– Ваши орды тоже воюют между собой.

– Ты плохо знаешь нас, конязь. Мы давно не воюем. В Поле осталось только два больших хана: я и Кза. Скоро Кзы не станет, останусь один я. Я буду самой большой хан в Поле.

– Ты убьешь Кзу?

– Зачем? Его убьют русские.

– Как?

– Кза жадный и глупый. Когда я сказал, что за князей нужно по тысяче гривен выкупа, он согласился с радостью. Он не подумал, что так много серебра будет трудно собрать, поэтому князь Игорь пробудет у меня долго. А вот ты понял... Кза предложил мне идти на твои земли, а я отказался. Тогда он сказал, что пойдет сам. Пусть идет! Он не знает Руси. Считает, что раз Игорь погубил свое войско в Поле, его земли некому защитить. Надеется на легкую добычу. Так было бы, если б он пошел в Русь сразу после битвы с тобой, конязь. Но он, из жадности, решил сделать осадную машину и потерял время. Я думаю, что Святослав Киевский, которого ты посадил на стол, уже собрал войско для защиты северской земли. И Кза встретится в поле с воеводой Святослава. Если это тот воевода Роман, с которым я бился этой зимой, Кза не вернется в Поле.

– Так ты останешься здесь?

– Я пойду в киевскую землю.

– Святослав с Рюриком тебя разобьют.

– Может, так. Но я думаю, что меня они не ждут. Они разбили мое войско зимой. Ваши князья считают, раз они прогнали врага с большим уроном, то он побоится прийти вновь. Хотя бы в этом году. Поэтому киевские полки будут защищать твой удел. А я приду к Киеву...

– Ты очень умен, хан.

– Как и ты, конязь. Думаешь, я не вижу, как сердце у тебя заливается кровью от моих слов, а руки твои ищут нож. Поэтому я приказал унести все ножи из шатра. Если б ты был моложе, то набросился бы на меня с кулаками, и мой нукер, который сейчас посматривает в щелочку полога, зарубил тебя. Я потерял бы две тысячи гривен, – Кончак улыбнулся. – Но ты сидишь смирно, и мне это нравится. Ты умный человек, князь, и поймешь: дружить надо не с тем, кто близок тебе по крови, а с тем, кто сильнее...

– Не пойму тебя, хан.

– Все понимаешь. Вы, русские, не умеете уважать мудрость, оттого все беды в вашей земле. Много лет назад у вас хватило ума призвать варягов на княжение, но это было давно. Варяги навели порядок в Руси, вас очень долго боялись все соседи. Даже греки, которые живут за морем. Но варяги растворились в вашем семени, и все беды воротились. Ваш князь Ярослав, которого вы называете Мудрым, заставил склониться все Поле. Мы боялись ходить в ваши земли, потому что оттуда не было возврата. Но Ярослав перед смертью поделил свои земли между сыновьями вместо того, чтобы назначить главным одного, а остальным приказать ему повиноваться. И вы снова стали убивать друг друга за уделы...

– Откуда ты это знаешь, хан?

– От монаха, которого изгнали его собратья за то, что он, по их мнению, неправильно проповедовал Слово Божье. Монах ушел в Поле, и собратья решили, что половцы его убьют. Мы никого не убиваем просто так, конязь! Монаха привели ко мне, я расспросил его через толмача и позволил ему жить у нас. Он попросил разрешения проповедовать Слово Божье, и я разрешил. В обмен на обещание научить меня говорить по-русски. Он оказался хорошим учителем. Он также рассказал мне историю русского народа – все, что знал.

– Ты учился?..

– Язык хорошо учить смолоду, конязь, когда голова свежая и память еще чиста, как вода в реке. Моя память уже не та, но я очень хотел знать все о своих врагах. Теперь, конязь, я хорошо говорю на вашем языке. Ты же говоришь по-кипчакски медленно и плохо. Я знаю вашу историю. А что ты знаешь про нас?

Игорь промолчал.

– Если не знаешь, как думаешь победить?

Игорь снова ничего не ответил.

– Монах много обратил в веру твоих людей? – спросил он после долгого молчания.

– Никого.

– Почему?

– Прежде, чем разрешить ему проповедовать, я расспросил его о вашем боге. И долго смеялся, когда узнал, что бог требует от вас любить своих врагов, а русскому воину, поразившему в битве врага, не дают в церкви хлеба и вина, потому что он нарушил приказ бога не убивать. Никто из нас не примет такой веры, конязь! Наши боги требуют жертв, и чем больше воин принесет их идолу, тем более милостивы к нему боги. Это ясно и понятно даже ребенку. А вашу веру, как мне пояснил монах, даже не все священники толкуют правильно – настолько сложна. Особенно трудно всем понять, как один бог может быть одновременно отцом, сыном и святым духом. Люди, которые верят в такого бога, никогда не будут править миром!

– Где сейчас этот монах?

– Он настолько горячо проповедовал Слово Божье, что один хан приказал содрать с него кожу живьем. А тело бросить собакам.

– И ты позволил?

– Хан это сделал без моего позволения. Он думал, что я не стану вступаться за русского. Это был непокорный хан, считавший, что в Поле он может быть сам по себе. Я приказал сломать ему спину перед его ордой. Он умирал долго...

– Еще одним непокорным ханом стало меньше?

– Это был предпоследний.

– Теперь скажи, что ты хочешь от меня, хан. Не заставляй меня думать, что ты настолько глуп, что рассказываешь мне это из желания поговорить.

– Ты умен, конязь. Я уже говорил. Пойдем вместе на Русь!

– Как?

– Я соберу твоих воинов по ордам, верну им коней, броню и оружие. Вы вернетесь домой без всякого выкупа.

– Ты хочешь, чтоб я жег русские города и убивал русских людей?

– Разве ты не делал этого раньше? Когда мы ходили с тобой на Киев? Когда ты в прошлом году взял Глебов?

– Это мой грех.

– Зачем говоришь так, конязь? Великий хан не должен думать, как простой воин. Тебе нужно было посадить на киевский стол Святослава, и ты сделал это. Владимир Переяславльский обидел тебя, и ты отомстил. Мои воины тоже верят: если умрут за хана, в загробном мире они будут владеть несметными стадами и шатрами, полными красивых женщин. Но я-то знаю, что ждет нас там...

– Святослав Киевский – мой отец.

– Он твой двоюродный брат, хотя годами годится тебе в отцы. А разве не он выгнал твою семью из Чернигова, когда умер Святослав, твой настоящий отец?

– Я целовал крест ему на верность.

– Кого из русских князей это останавливало? Не смей меня, конязь! Да и пойдем мы не на Святослава. Он сидит в Киеве и владеет только городом. Все земли вокруг Киева у Рюрика Ростиславича, а мы с тобой уже ходили на него. Почему бы не сходить еще?

– Мои вои и дружина не пойдут на Русь. Даже если я прикажу.

– Сейчас не пойдут – пойдут позже. Когда посидят в колодках.

– Зачем тебе русские? Сам говорил, что у тебя своих воинов больше, чем нужно.

– Мои не умеют брать города. Наши орды не выдерживают удара закованных в броню русских всадников. Когда пешие русские загораживаются своими высокими щитами и выставляют перед собой длинные копья, у моих воинов бледнеют губы – они знают, как много их поляжет, прежде чем удастся преодолеть этот страшный строй. Мои орды хороши в набеге, но не годятся для правильной войны. Мне нужен полководец. Ты.

– Я не хочу быть твоим полководцем.

– Не спеши с ответом, конязь. Подумай!

– Я не хочу, чтобы меня проклинали во всех русских церквях.

– Тебя не будут проклинять. Когда ты поделишься добычей с вашими церковными ханами, в церквях будут петь тебе осанну. Монах мне рассказывал... Подумай! Ты потерял свои полки, когда один пришел в Поле. Я потеряю свои орды, если один пойду на Русь. Вместе мы одолеем всех. Я знаю, конязь, про русскую лествицу. Самый почетный княжеский стол у вас в Киеве, и он переходит поочередно к самому старшему из вашего рода. Но это правило уже не действует, поэтому мы с тобой и ходили с войском к Киеву. Ростиславичи не хотели отдавать город Святославу, хотя он принадлежал ему по праву. Когда Святослав умрет, за киевский стол опять будет война. Даже если ты дождешься своей очереди, то не сможешь сесть в Киеве. Зачем ждать? Бери сейчас!

– Вместе с тобой?

– Вместе. Но мне не нужны русские земли, а вашим оратаям нечего делать в Поле.

– Когда-нибудь они распашут его до самого моря.

– Не распашут, конязь. Ты будешь править Русью, а я – Полем. Никто не посмеет на нас напасть – все будут бояться.

– И я буду платить тебе дань?

– По белке со двора.

– Не много ли?

– Для тебя – совсем ничего... Когда ты станешь править всей Русью, у тебя будет много дворов, очень много. Мои орды перестанут приходить на твои земли, другие соседи будут нас бояться. Русь будет жить мирно и потому богато. Люди будут молиться на князя, который избавил их от войн. Никто не посмеет прогнать твоих детей со стола, когда ты умрешь. Все будут знать, что за ними – Поле. И мои дети будут править спокойно, зная, что за ними – Русь.

– Красиво говоришь, хан. А что будет, когда ты решишь, что белка со двора – это мало?

– Мы поклянемся друг другу.

– Не смей меня, хан.

– Я пошлю своего сына тебе в Киев, а ты своего – в Поле. Они будут жить, как ханы. Но если кто-то из нас обманет другого...

– Сколько у тебя сыновей, хан?

– Семнадцать.

– Когда-нибудь ты, возможно, решишь, что резана со двора стоит жизни одного из семнадцати. Что он мог просто погибнуть в набеге...

– Ты очень умен, конязь. Настолько, что мне не хочется отпускать тебя из Поля. Даже за две тысячи гривен. Я пойду на Святослава один, а ты думай! Хорошо думай!

Кончак встал. Игорь заерзал на подушках, для чего-то их перекладывая, затем тоже поднялся. Он был выше ростом, и Кончак поглядывал на него снизу.

- Я пришлю тебе женщин, коняжь. Красивых, молодых.
- Мне не нужно.
- О чем говоришь? Молодой, сильный мужчина не может без женщины! Еще я пришлю тебе толмача. Он будет учить тебя кипчакскому языку. Тебе с ним будет легко – он верит в вашего бога.
- Ты говорил, что монах никого не обратил.
- Не обратил. Мой толмач – русский, только родился здесь. Последние двадцать лет мы не продаем из полона, взятого на Руси, бронников, мечников, тульников и стрельников. Они живут в Тмутаракани и делают нам оружие. Мы хорошо их кормим и позволяем жениться. Даже молиться своему богу. Лишь бы делали оружие хорошо. Овлура крестил его отец.
- Я понял, хан, что мне придется жить у тебя долго?
- Правильно понял, коняжь.
- Тогда я хочу просить тебя.
- Все, что захочешь, коняжь.
- Разреши приехать сюда священнику.
- Когда мы будем проезжать мимо Донца, я велю русским, чтобы они прислали. И дам священнику охрану.
- Прощай, хан!
- Скоро увидимся, коняжь! Учи язык хорошо. Пригодится...

* * *

Когда конная орда скрылась за островерхими крышами половецких веж, Игорь сердито повернулся к стоявшему позади тысяцкому Райгуле.

- Я велел спрятать один нож в подушках. Что не сделали?
- Бог с тобой, княже! – закрестился седой тысяцкий. – Что удумал? Да нас бы всех на кол...
- Я спрятал, – звонким голосом отозвался подбежавший Михалка, сын Райгулы. – Но люди Кончака обыскали шатер. Нож нашли и забрали. Я не успел тебе сказать, княже.
- Погубишь нас всех! – заворчал Райгула, отвечивая ему подзатыльник. – Я тебе что говорил, олух?! Попал в полон – жди, пока выкуп привезут. На наш век этих кончаков... Поймаем его на Руси, придет его час. Тогда и на кол!
- Игорь только вздохнул. Спросил коротко:
- Когда купцы едут на Русь?
- Завтра.
- Верный человек?
- Православный. Крест мне целовал. Письмо свезет.
- Письма не будет. Могут обыскать и найти, как тот нож. Передашь на словах: «Выкуп за князей не собирать, только за бояр и дружину. И еще. Кза идет в нашу землю. Коли случится взять хана, или обложить где – не убивать! Он должен вернуться в Поле живым!»
- Тысяцкий с сыном смотрели на него удивленно.
- Мне повторить?! – раздраженно спросил Игорь.
- Тысяцкий молча склонился в поклоне.
- И вот что, – сморщился Игорь. – Кончак велел женщин нам привезти. Ты их не гони. Пусть... пляшут перед нами, как у поганых принято. Будем ездить на охоту, пить их кумыс и есть мясо. Веселиться. Понятно?
- По лицам Райгулы и Михалки было видно, что им ничего не понятно. Но оба на всякий случай кивнули.
- Игорь махнул рукой и пошел к своему шатру...

Часть вторая. Набег

«Поганые же Половцы, победившие Игоря с братьею и взяши гордость велику и съвокупиши всъ язык свой на Русскую землю...

...Возмятоша города Посемъские и бысть скорбь и туга люта во всем Посемьи и в Новгороде Северьском и по всей волости Черниговьской: князи изыманиши и дружина изымана, избита... Мнозе тогда отрекахуся душъ своих, жалующее по князих своих».
(Ипатьевская летопись)

Глава пятая

Конная полусотня ворвалась в село, когда дома уже догорали. Занявшись с соломенных крыш и быстро пожрав стены, пламя теперь доедало нижние бревна, присыпанные землей, – горький дым стелился по земле. Печи, битые из глины и потому уцелевшие в огне, жалко смотрели на скачущих воинов полукруглыми зевами – словно изумлялись.

Повинуясь жесту предводителя в золоченом шлеме, всадники стремительно растеклись между пепелищами. Их остроконечные железные шишаки замелькали по переулкам и концам еще недавно большого села, а затем постепенно стали стекаться к околице, где, не слезая с высокого каурого жеребца, ждал предводитель.

– Живых нет, княже, – доложил Якуб, подъезжая. – Но и мертвых мало. Старики, женщины. Остальные или попрятались в лесу, или в полон попали.

Позади слышались восклицания, и оба всадника, не сговариваясь, обернулись. Несколько дружинников толпились поодаль, рассматривая что-то на земле. Улеб, а это был он, тронул пятками сапог бока каурого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.